

БОЕВАЯ МАСТЯ: ДРЕВНИХ

Славянский Сокол

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Сергей Васильевич Самаров
Славянский сокол
Серия «Гиперборейская
скрижаль», книга 5

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972790

Самаров С. В. Славянский Сокол: "rcvj; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64729-3

Аннотация

Князь бодричей Годослав тайно отправляется на рыцарский турнир, устроенный в Хаммабурге королем франков Карлом Великим. Годослав не случайно решил участвовать в турнире. От его исхода зависит судьба княжества. Если побьет он в рыцарском поединке смертельного врага всех бодричей – данского герцога Трафальбрасса, тогда появится возможность заключить союз с Карлом Каролингом на приемлемых условиях. Герцог – сильный и коварный противник. Но в крепости своей руки и в надежности идеально заточенного оружия князь не сомневается...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	38
Глава 4	60
Глава 5	76
Глава 6	90
Глава 7	107
Глава 8	123
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Сергей Самаров

Славянский Сокол

Глава 1

– Меня ждешь, княгинюшка?

Дражко подступил к Рогнельде с обычной своей полуулыбкой, о существовании которой можно было догадаться только по шевелению усов и по тону сказанного. Он всегда так разговаривал с ней, по-братски выказывая шутиливо-повышенное уважение и любовь, потому что не мог себе позволить показывать их иначе, хотя очень хотел бы в действительности совсем иного. Но любое иное в его понимании граничило с предательством брата и князя. И потому князь-воевода даже в мечтах старался не выходить за поставленные самим собой границы. Только в снах, которые он контролировать был не в силах, он приходил к Рогнельде, и она приходила к нему. И разговаривали они совсем иначе, и чувствовали они себя совсем иначе. А потом, проснувшись, Дражко не мог смотреть Годославу в глаза и страдал так, словно обманул и предал человека, которого искренне любил и уважал.

Рогнельда медленно повернула голову, словно только что заметила появление князя-воеводы, закончившего разговор

с боярами, или же просто трудно оторвалась от тяжелых дум, присутствие которых стало теперь нелегким ее ежедневным бременем, одновременным с приятным бременем, естественным уделом каждой женщины и матери. И кивнула.

У двери стояли стражник и глашатый Сташко. Если последний был в курсе событий, и даже принимал активное участие в них, то стражникам, всегда тесно связанным семьями с городом, ничего не рассказывали. А ту пару, что утром выпускала князя из задних ворот, категорично предупредили о необходимости держать язык на засове. Иначе Дражко обещал их за этот язык подвесить. А верность князя-воеводы слову все знали. На эту пару стражников надеяться было можно. Но лишних посвящать в тайную поездку Годослава не стоило. И потому князь взял Рогнельду под руку и повел в сторону.

– Пойдем, княгинюшка, к твоему мужу, там и поговорим втроем...

Они вышли к лестнице. Здесь тоже стоял на посту стражник.

– Чужого кого-то пропускал?

– Как можно, княже... Не велено! – зычно рыкнул постовой. – Только свои без конца снуют туда-сюда. И что им на месте не сидится...

Дражко с вопросом посмотрел на Рогнельду. Как же тогда прошел к ней жалтонес? Она только показала взглядом на лестницу. Значит, случилось еще что-то.

Непредвиденное...

И только в спальней светлице Годослава, когда они остались наедине, княгиня устало села в обитое лионским бархатом кресло и уронила руки, словно силы полностью покинули ее, беременную, ослабленную и все последние дни нервно вздрагивающую от любого резкого звука. Воеводе самому стало больно смотреть на княгиню, на ее синеватые мешки под глазами, говорящие о бессонной ночи, на красноватые белки глаз, показывающие частый в последнее время плач.

— Что случилось, сестренка? Тебе нельзя так переживать. Подумай о здоровье будущего князя бодричей, которого не будут звать Гуннаром...

Она посмотрела на него маленьким затравленным зверьком, и Дражко удивился, как и с чего эта высокая и статная женщина превратилась вдруг в непонятное запуганное существо. Неужели настолько сильно придавило ее беспокойство, чтобы стать такой?

— Пока я думаю и беспокоюсь только о здоровье настоящего князя бодричей, которого зовут Годослав. И беспокоюсь о нем обоснованно. Очень беспокоюсь, имея к тому, как тебе известно, достаточные основания...

— Сон нехороший видела?

— Я не сплю днем. Кроме того, как Горислав со Ставром учат, дневные сны вестят о том, что ты должен в себе услышать, а не то, что есть в действительности. Все гораздо хуже, Дражко... Все так плохо, что я просто в растерянности...

Она опять посмотрела на воеводу. Да, он узнал этого зверька. Такое уже бывало не однажды, только не с людьми. Попавший в петлю заяц так смотрит на охотника. Искоса, со страхом, но и с пониманием неизбежности.

– Мне передали пузырек с ядом.

– Приходил жалтонес?

– Если бы так... Никакого жалтонеса я не видела.

– Тогда – кто?..

Рогнельда молчала с минуту, переживая еще что-то, Дражко неведомое.

– Фрейя... – сказала наконец. – Кормилица моей дочери... Она датчанка... Она передала. Она сказала те слова от отца...

– Еще не легче! А ты-то ей так доверяла, ты-то в ней души не чаяла! – князь-воевода почти равнодушно говорил то, что должен был сказать, а сам мыленно уже прокручивал изменившуюся ситуацию и лихорадочно соображал, чем эта ситуация может грозить им всем.

– Это все пустяки. Это я пережила бы, потому что чужим не дано нас предать... В другом беда! Фрейя знает, что Годослав уехал, знает, куда он уехал, знает, зачем...

Дражко так резко нахмурился, словно уронил брови на глаза. Да, о Годославе еще предстоит побеспокоиться, для этого еще есть время, к тому же поехал он в сопровождении разведчиков Ставра, на которых вполне можно положиться. Но сейчас стоит побеспокоиться и о самой Рогнельде. Гер-

цог Гуннар не прощает предательства. Он не пощадит даже родную дочь.

– Надо же, а такое красивое имя...¹ Фрейя знает, что это ты предложила Годославу назначить нового наследника? Знает?

– Нет. Когда мы с Годославом говорили об этом, Фрейя была в другой светлице, с моей и своей дочерьми. Но я хотела... Я хотела с ней поговорить... Сама хотела... Мы же с ней говорим обо всем. Просто еще не успела...

Дражко вздохнул с таким откровенным облегчением, что даже Рогнельда это заметила.

– Что ты?

– Слава Свентовиту. Иначе она могла бы уже накапать те же капли и тебе, и маленькой княжне, которую кормит. Но подошло, кажется, время и нам действовать. Да... Я немедленно отправляю твою богиню красоты для беседы с нашим хозарским мастером.

Рогнельда испугалась так, словно это ее Дражко пообещал отправить к палачу.

– Это... обязательно? – спросила и снова посмотрела на князя-воеводу затравленным зверьком. Кормилицу ей – понял без труда воевода – было откровенно жалко. Конечно, княгиня привязалась к единственному в доме человеку, с которым говорила на родном языке, которому поверяла все

---

¹ *Фрейя* – самая прекрасная из богинь скандинавского пантеона. Чем-то сродни древнегреческой Афродите (римской Венере).

свои думы. И, как ни суди, получается, что именно она, Рогнельда, отправляет молодую, красивую, близкую женщину в руки палача. Дражко при этом только инструмент. – Нельзя ли просто поговорить с ней? Может быть, я сама спрошу...

– Тебе стоит, пожалуй, уже выбрать, кто тебе дороже – Годослав с маленькой княжной или кормилица, – жестко сказал Дражко и увидел на глазах княгини слезы. Это для него было сильнее, чем удар меча, и не было на левом плече щита, чтобы от слез заслониться. – Хорошо. Вместе поговорим. В присутствии ката. Пусть она на него посмотрит и подумает, как тебе отвечать. И из дома она уже не выйдет. Где Фрейя сейчас?

– С дочкой.

– Я пошлю стражников. Пусть приведут ее в подвал. Через двор, чтобы не видели бояре. Ты спускайся туда одна. Я пока займусь другим делом. Во дворе тебя догоню. С Фрейей без меня не разговаривай. Можешь все дело испортить. Она по твоему виду все поймет и сможет подготовиться.

Княгиня, полная растерянности, вышла, а князь-воевода прильнул к окну. С минуту он всматривался в торговые ряды на площади, потом увидел Сфирку и распахнул ставни. Разведчик заметил это сразу. Взгляды встретились, и Дражко подал знак.

Князь-воевода уже шел во двор, когда с лестницы увидел, как разведчик вошел во Дворец, и махнул рукой, приглашая того с собой. Когда Сфирка догнал, Дражко сразу спросил:

– И где твой долговязый лив?

Сфирка излучал довольство.

– Сидел, княже, внизу вместе с посольскими слугами. Наверх не поднимался, потому его и не повязали. Вроде как и не за что пока. Да при наших сварливых боярах и не хотелось бы этого делать. Шум поднимут. Пять минут назад трое бояр ушло, жалтонес вместе с ними. Наши следом привязались. Теперь его не выпустят. Научены... Но будем ждать... Должно, сейчас была просто разведка... Может, и пузырек с собой не брал... Он еще придет...

– Догнать! – вдруг рывкнул Дражко так, что Сфирка чуть не подпрыгнул. – Немедля догнать! Посылай людей! Надо, стражников возьми. Скажи, я велел. Пусть коней берут. Догнать и доставить к хозарину немедленно. Посылай людей, или сам с ними иди, но приведи мне этого лива. Я у хозарина буду. Прикажи не обращать на бояр внимания. Будут шуметь, дубьем по головам их, да с доброй душой, чтоб помнили...

Князь-воевода завелся. Никогда еще разведчик не видел его таким возбужденным. Казалось, Дражко сейчас с легкой душой, чтоб помнил, и самого Сфирку огреет. И потому Сфирка побежал бегом. А воевода, чувствуя себя виновником переполоха, но нимало не смущаясь этим, вышел во двор, послал оттуда двух стражников наверх за Фрейей и еще одного отослал к княгине-матери с наказом с малолетней княжной посидеть и присмотреть, никого к ней не до-

пуская. И велел стражнику рядом со старой княгиней оставаться, не покидая поста ни на минуту.

Он еще успел зайти в пристрой, оттуда заглянул в нижнюю гостевую горницу, где совещались бояре. Их осталось только пятеро. Все со слугами. Причем, слуги вооружены. Без доспехов, но с мечами. Значит, не простые это слуги. Не те, которые горшки подносят и руку подают, чтоб с крыльца сойти. Это уже показалось странным и не понравилось Дражко.

– Где остальные? – спросил он так резко, что бояре растерялись. Они привыкли, что Дражко чаще валяет дурака и говорит полушуточками.

– Они эта... – промямлил Мистиша.

– Что – «эта»? Где они?

– Отправились в посольский двор, к данам... Разведать надо, как там дела, как настроение. Чтобы подготовиться к встрече. А то чем Чернобог не шутит, да и герцог Гуннар шуток не любит, еще осерчает на нас за неуважение.

Ничего не сказав, Дражко вышел во двор. Отыскал сотника стражи.

– Сколько у тебя человек под рукой?

– Три десятка под копьём. По постам стоят. Два десятка отдыхают.

– Сколько быстро собрать можешь? Всех...

– Две сотни за четверть часа. И стрельцов сотню.

– Готовь всех. Быстро и без шума.

– Война? – осмелился спросить обычно беспрекословный

стражник.

— Война! — сказал Дражко, нимало не сомневаясь, что война в самом деле уже началась. — И сразу поставь, сколько сочтешь нужным, у нижней гостевой горницы...

— Где бояре? — удивился сотник, но удивился обрадованно, словно очень желал этого приказа.

— Где бояре. Никого не выпускать, пока я с ними не поговорю. Слуг разоружить, оружие им не возвращать, и впредь запретить слугам приходить в княжеский дворец оружными. Это мой указ и на сегодня и на будущее. Так и скажи боярам. Это *мой* указ!

Мимо него провели упирающуюся и ругающуюся на своем языке Фрейю. Она посмотрела на князя-воеводу со злобой, понимая, что только по его распоряжению в отсутствие Годослава могут с ней так обращаться. Однако стражники не слишком и грубо тащили женщину. А на нее следовало бы перед допросом и страха нагнать.

— Что ты с ней в игрушки играешь. Будет упираться, ткни ее копьём под зад... — подсказал Дражко, и усы его опять изобразили улыбку.

Не понимающая славянскую речь Фрейя сразу и вдруг, словно прозрела, все поняла и пошла без сопротивления. Однако стражники ее запястий не выпустили. Но Фрейя теперь тактику переменила и посмотрела через плечо на воеводу совсем другим взглядом, как только женщина может смотреть на мужчину.

— Что ты хочешь от меня, воевода? — спросила по-датски, пытаясь изобразить задор, хотя страх заставил ее голос трепетать. — Может быть, я смогу это дать тебе без насилия...

— Я тебе сейчас объясню это, — ответил Дражко.

— А что скажет на твоё поведение княгиня?

— И это ты сейчас тоже узнаешь.

Он осмотрел двор, увидел, как высыпали из охранной избы стражники, часть сразу побежала бегом во дворец, трое встали у дворового выхода из пристроя к гостевой горнице. Теперь можно быть спокойным за бояр, никто их не обидит.

На подвальную каменную лестницу вышел кузнец в кожаном фартуке, держа в одной руке два молота, в другой большие клещи. Насчет кузнеца Дражко не распоряжался. Значит, его вызвал сам хозарин Ероха. Следом за кузнецом к лестнице подошел толмач. Кат не владел датским языком. Он и по-славянски-то говорил плохо. За десять лет рабства из-за своей мрачной натуры так и не удосужился обучиться.

Теперь уже и Дражко пора. Время дорого, а основные распоряжения уже отданы...

Он спустился в нижний этаж, под самое основание закладки Дворца Сокола. Мрачные и сырые каменные глыбы основания здания освещались кровавым светом факелов, развешанных по стенам предельно далеко один от другого. Уже это навевает жуть и страх. За каждой из десяти тяжелых, окованных металлическими пластинами дверей клетки без окон. За самой последней, самой глухой, одиннадцатой дверью в

торце коридора не клеть, а мастерская ката, как он сам называл это место. Себя хозарин звал мастером...

Князь-воевода не торопился, он чувствовал неуютность, потому что никогда раньше не присутствовал при пытках и даже испытывал к ним неприязнь. Воин всегда считает себя выше палача. Но обстоятельства заставили и через это пройти. Дражко толкнул дверь ногой.

– Что я сделала, княгиня? В чем я провинилась? – не плакала, не молила о пощаде Фрейя. Голос ее был возмущенный, требовательный, почти обвиняющий.

– Это ты сама нам сейчас расскажешь, – пообещал ей Дражко, спускаясь по внутренней каменной лестнице в пять ступеней. – Ероха умеет разговорить любого человека. Даже самого сильного мужчину...

Она обернулась. И все поняла. И, к общему удивлению, зло засмеялась.

– Ладно. Пусть вы, глупые мужчины, так думаете. Но ни один мужчина не сможет перенести боль, как переносит ее женщина. Боги научили женщину рожать и дали ей умение терпеть. Ни один мужчина... Слышите, вы... А через час во дворец придет герцог Гуннар. Он обязательно спросит у своей дочери, где Фрейя... Он же спрашивал в первый вечер?

В этом-то и была ее ошибка. Слишком Фрейя привыкла считаться со значением герцога Гуннара, чтобы бояться бодричей, которых она в душе презирала. Но эти слова корми-

лицы придали решительности и Рогнельде.

– Да, Фрейя... Я помню... Отец спрашивал о тебе. Спрашивал, как ты справляешься с работой, спрашивал, как здоровье моей дочери и как здоровье твоей... – вдруг вспомнила Рогнельда, но заговорила она уже совсем без жалости, нечто заподозрив. – Почему он спрашивал о тебе, ответь мне, Фрейя? Почему мой отец спрашивал о тебе, о таком ничтожном для него человеке, так настойчиво?

– Я – ничтожная!.. Пора бы тебе и самой догадаться! Потому что это именно он послал меня к тебе. Потому что моя дочь – твоя сестра... – выпалила кормилица с ненавистью и с истеричным смехом. – Ты ее место занимаешь. Твое место могло бы принадлежать моей дочери... Но в сердце Гуннара ты все равно ничего не значишь. Он придет сюда и заберет меня и нашу дочь. И ничего вы не посмеете возразить, иначе он вас уничтожит вместе с вашим вонючим княжеством.

Дражко вдруг тоже засмеялся. Открыто и весело, совсем не наигранно. И даже усы этот смех не прятали, не превращали в гримасу. Фрейя испуганно в сторону шарахнулась, и Рогнельда, растерянная, посмотрела на князя-воеводу удивленно.

– Ты сама не знаешь, Фрейя, насколько ты права... – Дражко задорно зашевелил усами.

– О чем ты говоришь? – огрызнулась кормилица, и лицо ее стало острым и злобным, нос сморщился, зубы блеснули под приподнятой верхней губой, словно у оскалившейся крысы.

– Я говорю о том, что через час ты свидишься с герцогом Гуннаром.

– Я знаю это. Мне так сказал его человек, – Фрейе показалось, что она уже одерживает победу над этими славянами. А как же ей не одержать победу, когда за ее спиной такая сила, как герцог Гуннар, один из самых влиятельных людей в Дании.

Еще десять минут назад Дражко не предвидел, что решится на это. Хотя такое решение давно витало в воздухе. И воевода мысленно не однажды возвращался к нему. И Годослав об этом тоже думал, – видел и понимал Дражко во время последнего разговора с князем. Но произнести мысли вслух Годослав все же не решился. А сейчас вдруг Дражко стало ясно, что это следует сделать обязательно. Это необходимо сделать по простой логике. Княжество бодричей уже все целиком, вместе с князем и княгиней, вместе со своей столицей Рарогом, вместе со всем народом прыгнуло через пропасть. И чтобы удачно приземлиться на другой стороне, следует избежать удара в спину. А такой удар готовится.

– Я знаю, Фрейя, что через час ты будешь висеть в этой камере на цепях, а рядом с тобой будет корчиться от боли герцог Гуннар. И вы оба будете очень много говорить, будете много вспоминать каждый в отдельности и помогать друг другу восстановить в памяти забытое.

– Что? Герцог Гуннар... – не смогла поверить услышанному Фрейя. – Да кто же решится...

– Дражко... – строго сказала Рогнельда, но продолжить не осмелилась. Она тоже поняла, что вместе с княжеством, вместе с мужем летит над пропастью. И невозможно повернуть назад. Невозможно остановиться, иначе погибнешь.

– Я уже решил и отдал приказ. Можешь, Фрейя, успокоиться. Герцог не бросит тебя умирать в одиночестве. Вы умрете вместе под пытками. И будете стараться умереть быстрее, чтобы меньше мук перенести. Наш кат умеет продлить жизнь своим жертвам. Правда ведь, Ероха?

– Правда, княже... – страшно заулыбался кат всем своим лунообразным азиатским лицом.

Только тут Дражко заметил, что он говорит по-датски, Фрейя говорит по-датски, Рогнельда говорит по-датски, а толмач переводит весь разговор палачу и кузнецу. Потому палач и ответил. Но теперь это уже не имело значения, потому что Дражко решил.

– О моя бедная дочь... – Фрейя в слезах упала на колени перед Рогнельдой. – Не убивайте мою дочь! Княгиня, это же твоя сестра...

Рогнельда посмотрела на Дражко. Она поняла, что сейчас не она решает, а он.

– Мне было бы проще принести твою дочь сюда, – сказал Дражко. – Наш Ероха умеет разговаривать и с маленькими детьми. Даже с грудными, чтобы развязать язык матери. Правда ведь, Ероха?

– Правда, княже...

Маленькие пороссячи глазки палача даже заблестели от предвкушения представляемой пытки.

Дражко содрогнулся. Он предпочел бы десять раз умереть, чем один раз попасть в руки Ерохи.

— И потому я предлагаю тебе сразу, сейчас и здесь все рассказать, чтобы не пришлось отдавать Ерохе твою дочь.

— А что с ней теперь будет? — Фрейя взвыла, запустив пальцы в густые белокурые волосы.

— Если мать пожалеет дочь, княгиня Рогнельда возьмет, я думаю, сестру на воспитание... — даже для Дражко неожиданно твердо сказала Рогнельда.

— Я все скажу... — Фрейя, вся в слезах, упала на земляной пол. — Я все скажу, княгиня...

Ее маленькие кулаки застучали по сырому земляному полу, не издавая звуков.

Дражко прошел вперед и склонился над женщиной. С другой стороны тяжеловесной походкой, враскачку, к ней же придвинулся Ероха, поигрывая в руке многохвостой плеткой.

Фрейя вся задрожала, переводя взгляд с князя-воеводы на ката и обратно.

— Вот и рассказывай... У нас к тебе много вопросов...

— Спрашивай, князь...

Глава 2

День был жарким, вечер теплым, но уже начало ночи подсказало, что в Саксонии стоит только май, и лето, как ни торопится, как ни пытается в светлое время заявить о себе, все же еще не вступило во владение природой. Прохладный ветерок принес свежесть, легкость дыхания и одновременно пообещал к утру прохладу.

Прямо на вершине холма, на куче громадных валунов, неизвестно какой великой силой сюда занесенных, горел большой костер, видимый, должно быть, издалека. А уж ближайшие окрестности он освещал прекрасно. Три воина постоянно подкармливали прожорливое пламя из большой кучи хвороста, собранной королевскими пехотинцами по приказу всегда соблюдающего бдительность Бернара. Незамеченным, использующим темноту, к королевской палатке подойти не мог никто.

Граф Оливье, выйдя сразу после окончания расширенного королевского совета на свежий воздух, подошел к стоящим отдельно от других Кнесслеру и Аббио.

— Прошу прощения, милостивые государи, что помешал вашему разговору, но я желал бы обратиться к господину Кнесслеру с просьбой познакомить меня с эделингом Аббио. Для меня большая честь пожать руку такому рыцарю, каковым уважаемый эделинг Аббио является, и высказать ему

свое восхищение линией поведения на совете, которую не смогло изменить даже присутствие короля.

Кнесслер поклонился такой прекрасной речи.

— С великим удовольствием, граф. Аббио перед вами, и его представлять особо, я думаю, не надо. А это, мой молодой друг, тот самый знаменитый граф Оливье, по поводу возвращения которого из сарацинского плена и состоится наш турнир.

Граф и эделинг пожали друг другу руки и посмотрели один на другого с нескрываемым любопытством, уважением и чуть ли не с поклонением. Оба они умели ценить в людях мужество и воинскую доблесть. Оливье еще семь лет назад, до Ронсеваля, доводилось слышать о тогда еще юном воинственном вожде повстанцев, совершавшем опасные молниеносные рейды прямо между несколькими франкскими колоннами и нападавшем неожиданно в том месте, где его совсем не ждали. Быстрота, натиск с молниеносными действиями, быстрый отход, пока противник не успел сообразить, что к чему, и через короткий промежуток времени повторение точно такого маневра, только уже в другом месте. Так, за один только день, летучие отряды Аббио успевали отметить в трех-четырех местах и, за счет внезапности и быстроты своих действий, даже не несли существенные потери. И хотя тактика партизанской войны была далека от идеалов графа, искусство полководца, с которым Аббио перемещал свои летучие отряды на большие расстояния, не могло не вызвать

восхищения воинским талантом эделинга.

Сам же эделинг уже наслушался немало песен менестрелей и голиардов² о Рансевальской битве и не мог не восхищаться двумя героями франкского народа – Хроутландом и Оливье. Герои всегда остаются героями, и их подвиги способны вдохновить даже противника, каковым, по отношению к франкам, с детских лет считал себя Аббио.

– Я признаюсь, что испытываю к вам симпатию и уважение, – сказал Оливье молодому эделингу, – хотя вы постоянно воевали против моих соотечественников. Более того, я посчитал бы для себя за честь испытать своим щитом силу вашего удара в турнирном единоборстве, но король назначил меня маршалом, и это лишает меня права стать участником схваток до тех пор, пока не потерпит поражения вся королевская партия, в которую входите и вы, и все зачинщики. А это, я думаю, невероятный вариант. Но я хотел бы быть вам полезным любым другим способом. Тем более что и сам наш повелитель высказал желание видеть меня в качестве вашего не наставника – нет! – и не покровителя, но только лишь путевода в нашем лагере и в несколько непривычном для вас мире франкских отношений. И потому я подошел к вам напрямую, чтобы с чистым сердцем предложить свои услуги.

Аббио слушал, наклонив голову и глядя на Оливье с неко-

---

² *Голиарды* (фр. – *goliards*) – в раннем Средневековье во Франции и в некоторых германских странах так называли бродячих актеров и певцов. Если менестрели пели для высшего общества, то голиарды исполняли свои произведения для простого народа. Позже голиардов стали звать вагантами.

торым напряженным непониманием. Привыкший к простой и грубоватой речи воинов и не в совершенстве владеющий франкским языком, молодой эделинг с трудом понял предложение графа. Но все же выказал готовность к дружеским отношениям.

– Я буду только рад вашей заботе, дорогой граф, хотя и не понимаю, чем заслужил такое внимание со стороны короля Карла.

– Зато понимаю я и понимает граф, – вставил фразу в разговор серьезный Кнесслер. – Король желает не только воевать, но и управлять. В нашем случае я понимаю его так: Карл хочет мира в Саксонии и желает нашей стране благоденствия под своим управлением. А благоденствия не может быть, пока продолжается война.

– Я вполне согласен с вами, – легким поклоном Оливье подтвердил солидарность с эделингом. – Не так уж плохо живет всем народам, вошедшим в наше королевство. Думаю, что и саксам выгоднее быть подданными Карла, нежели его врагами. Король милостив с друзьями и только с противником суров. И никто не сможет обвинить его в том, что национальность заставляет монарха отдать предпочтение франку перед другим, более достойным. Примером может служить хотя бы аббат Алкуин – это самый близкий к королю человек. Он по национальности тоже сакс, хотя и из Англии.

– Англию, между прочим, Карл не завоевывал... – ответил Аббио.

– Англия – это вотчина датчан, – уточнил Кнесслер.

– Не вотчина, – поправил его молодой соотечественник, – а место для постоянного грабежа. Датчане держат английские королевства только для себя, не разрешая другим викингам отправляться в походы на остров. Я слышал, что было целое морское сражение между датчанами и норвегами за право грабить английские побережья.

– И такое было, – согласился Кнесслер. – Они перетопили друг у друга кучу драккаров вместе с уже захваченной добычей...

– Я уверяю вас, что Карл не хуже относится к саксам из Саксонии, чем к саксу из Англии, – вернулся к прежнему разговору граф Оливье. – Если только саксы из Саксонии не поднимают на него оружия...

– У нас еще будет время обсудить эту тему, – осторожно заметил Аббио, не желающий с распростертыми объятиями бросаться к тому, с кем он воевал еще только вчера, причем воевал жестоко, бескомпромиссно, не щадя ни собственных сил, ни полученных по наследству средств, поскольку денег на войну эделингам никто не выделял. Однако, как понимал и сам эделинг, без всякой надежды на будущую победу. – А сейчас нам предстоит заняться более неотложными делами. Сюда идут князь Бравлин с сарацином. Можете присоединиться к нам, дорогой граф, если имеете желание познакомиться еще и с заносчивым Зигфридом³. Мы отправляемся

---

³ *Сигурд* и *Зигфрид* – скандинавское и германское произношения имени героя

к герцогу Трафальбассу, чтобы попросить его возглавить сакских воинов в меле.

– Я видел его сегодня утром у короля. Правда, мельком... Говорят, он великий воин...

– Он хороший воин, – скупно сказал Кнесслер. – Впрочем, в его воинском искусстве вы сможете убедиться, наблюдая поединки турнира. Я не думаю, что Трафальбрасс будет в числе первых, кто займет место в ресе среди потерпевших поражение. И даже уверен, что многим вашим рыцарям не поздоровится от его ударов. Впрочем, я не видел его в деле, а разговоры могут оказаться и пустыми. Но король Готфрид ценит Трафальбрасса именно как воина. Впрочем, не только... Король Готфрид ценит Трафальбрасса еще и как беззащитного человека...

– Я охотно отправлюсь с вами. Особенно, если вы представите меня еще и такому славному воину, как князь Бравлин Второй... – и граф поклонился в сторону только что подошедшего к ним Бравлина, разговаривающего по-гречески с Салахом ад-Харумом.

– Я отлично вас знаю, граф, – сказал Бравлин сдержанно, если не сказать, что намеренно сухо. После обострения отношений между Бравлином и франками на королевском совете прошло еще слишком мало времени, чтобы князь забыл недавние оскорбительные слова королевского герольда, адресованные всем не франкам. – Точно так же, как знал

и Хроутланда. Если мне не изменяет память, лет десять назад я лично возглавлял атаку, которой сбросил ваш отряд в реку. Вас тогда спасло только появление подкрепления, иначе каждому из вас была бы уготована стрела с каленым наконечником и стая рыб в придачу. Но я даже рад, что этого не случилось тогда, поскольку это дает мне возможность познакомиться с вами сейчас...

– Да, я помню этот случай, – с легкой улыбкой ответил Оливье. – В тот раз вы нас славно искупали, хотя было, если я верно помню, довольно прохладно. Нас было слишком мало, и вы атаковали нас из засады.

Бравлин позволил себе не согласиться и замотал головой, отчего его бармица, как и кольчуга, сплетенная из пружинистых колечек, мелодично зазвенела.

– Мы действительно атаковали вас из засады, в которую вас специально и заманили, выпустив вперед незначительный отряд, чтобы он вынудил вас начать преследование. Такова война, и она не всегда разрешается турнирными схватками. А что касается количества воинов, то нас было чуть-чуть меньше. Нас, а не вас! Просто вы привыкли к тому, что вас всегда бывает значительно больше. Но засада дала нам преимущество неожиданности, и большую часть вашего отряда мои стрельцы перебили сразу, издали, еще до рукопашной сечи. И вот тогда нас стало действительно больше.

– А когда к нам подошло подкрепление во главе с монсеньором Бернаром, только более свежие кони выручили вас.

Ох, и прытко же вы спасались!.. Но и то – мы чуть не вошли на ваших плечах в крепость...

Оливье сам уже говорил без улыбки, уловив иронию в словах князя и весьма ревниво относясь к своему прошлому и, тем более, к прошлому Хроутланда.

– Да, дело так и было, – согласился Бравлин. – К сожалению, местность вокруг была равнинная, только с небольшими перелесками, и нам не представилась, как вам в Ронсевале, возможность выстроить линию обороны со сменой бойцов. Точно так же, кстати, как вы, триста воинов древнего греческого государства Спарта во главе со своим царем Леонидасом погибли все, но не пустили через Фермопильское ущелье громадную армию персидского царя Дария Первого Гистаспа, чем остановили его нашествие на Грецию. Я только что рассказывал об этом вашему другу Салаху ад-Харуму, и оказалось, что он хорошо знаком с сим историческим фактом по персидским литературным источникам. Так что вы в Ронсевале в малом размере повторили подвиг Леонидаса и его воинов. С той лишь разницей, что вас было несколько больше трехсот спартанцев и против вас не стояла целая армия. И, тем не менее, я ничуть не умаляю ваших заслуг. Мы же десять лет назад не имели возможности выполнить тот же стратегический прием из-за отсутствия природных условий. А самим предложить противнику окружить себя и уничтожить – что же может быть глупее... И осуждать нас трудно...

– Мы по-разному смотрим на некоторые вещи... – Оливье

нахмурил брови.

– Да прекратите вы беспочвенные препирательства, – Кнесслер понял, что дело пахнет ссорой. – Забудьте прошлое. Сейчас мы прибыли на турнир, а не на поле сражения. И здесь вовсе не время выяснять, чье оружие более победоносно и при каких обстоятельствах. Пойдемте лучше к герцогу. Я уже отправил посыльного с предупреждением о визите. Герцог, должно быть, нас ждет.

И он показал направление к палатке Сигурда, или Зигфрида, как называл датчанина Аббио. Сигурд, как посторонний участник турнира, расположился в общем лагере, а не на королевской сопке. Но тропу, по которой рыцарям предстояло спуститься, при свете костра видно было хорошо. Только недавно эта тропа была почти незаметной тропинкой, но за короткий срок многие ноги так утоптали ее, что тропа стала ведущей на холме и уступающей только главной дороге.

Князь Бравлин и граф Оливье сухо поклонились друг другу. Но если славянин имел право чувствовать обиду за отвоєванные у него земли, причем эта обида была непроходящей, то франк, по натуре легкий и не злопамятный, через минуту уже улыбнулся. У него-то ничего не отнимали, и вообще не виделось в Европе силы, способной остановить раздвижение Карлом своих границ. Силой была Дания, но Готфрид Скъелдунг молча наблюдал за Карлом и выжидал, не решаясь пока на самостоятельное противодействие. Другая сила – Византия, была слишком далеко и едва справлялась

со своими проблемами.

Они двинулись вслед за остальными. И граф вдруг неназойливо взял князя под руку.

– Правильно, – сказал он. – Кнесслер самый рассудительный человек на свете. Я понимаю вашу обиду и прощаю ее вам, а вы поймите мою гордость и простите ее мне. Забудем это. Не дело воинов таить обиды друг на друга.

Бравлин поклонился на ходу.

– И Кнесслер прав, и вы правы... А я попусту срываю свое раздражение на встречных из-за того, что мне не слишком хочется идти к Сигурду. Мы с ним не самые близкие друзья. Но, как воин, я должен согласиться, что лучше Сигурда не найти кандидатуры для участия в меле. Я не сержусь на вас, граф.

– Но позвольте мне, человеку, любопытному не менее, чем любопытен ученый аббат Алкуин, поинтересоваться... Вас зовут Бравлином Вторым. А кто был Бравлин Первый? Это ваш достойный предок?

– Нет, – ответил князь. – Бравлин Первый был могущественным князем славян, живущих по берегам озера Ильмень. Слышали о таком озере? Иногда его называют Варяжским морем... Это потому, что на одном из его берегов в городе Старой Руссе живут варяги – люди, которые варят соль. Там в округе множество соляных источников. Руссы, кстати, родственны бодричам и являются подданными князя Годослава, хотя из-за отдаленности не слишком прислушиваются

к голосу своего повелителя, предпочитая жить по собственным принципам.

– Нет. Не слышал. Где, вы говорите, это?

– Это далеко на востоке. Когда ваш король совсем перестанет давать нам возможность жить своей жизнью, мы переселимся туда.

– А там тоже много славянских племен? – искренне удивился Оливье.

– В несколько раз больше, чем в известной вам Европе. Но если в Европе мы враждуем друг с другом и потому не можем дать совместный отпор вашему королю, то Бравлин Первый около века назад объединил всех славян от Балтики на севере до Червонного моря на юге, изгнав с исконных славянских земель и хозар и греков. К сожалению, государство это существовало только при жизни Бравлина. Потомки разделили его на множество мелких и, опять же, порой враждующих друг с другом.

– А кто мешает вам объединиться с соседями?

Бравлин вздохнул.

– Амбиции. Мои амбиции мешают мне признать старшинство, скажем, того же Годослава. Я считаю себя, признаюсь честно, и не без оснований, более способным к управлению и более опытным, нежели он. Его амбиции как потомка династии бодричских князей не позволяют ему признать мое старшинство, потому что когда-то мое княжество входило в большой и сильный союз бодричей и предки Годослава пра-

вили моими предками. Приобретая общее, каждый боится потерять личное. И так будет до тех пор, пока не появится личность достаточно великая, чтобы удовлетворить или усмирить всех. Как для германских племен – Карл Каролинг.

– Ну, а почему бы вам не заключить союз хотя бы с Карлом? – простодушно спросил граф.

– А кто мешает вам принять веру в наших богов и жить по нашим законам? – в ответ спросил князь с улыбкой.

Оливье только рассмеялся над собственной бестактностью.

– Курице нравится насест, а утке болото... – добавил Бравлин.

– Я, признаюсь, удивлен, встретив в лице князя-правителя, князя-воина весьма грамотного человека. Вы так много знаете, так рассказываете не только о своей истории, но даже об истории Греции... Я просто в растерянности...

– Граф, я слышал, что король Карл тоже отличается любовью к книгам. Вы этому не удивляетесь? Разница только в том, что я читаю сам, а ему читают другие...

Оливье не нашел, что ответить. Он не рискнул сказать, что считает своего монарха просвещенным человеком потому, что все королевство франков он считает тоже просвещенным, хотя сам не прочитал в своей жизни ни одной книги. А отношение к представителям соседних стран, к саксам или к славянам, у всех франков было пренебрежительное, как к полудикарям. А, оказывается, эти полудикари гораздо

грамотнее франкских графов. Они даже разговаривают по-гречески с сарацином. Но высказать открыто свое чувство преимущества – значит, оскорбить князя...

Между тем, они уже спустились с Песенного холма. Эделинги и сарацин остановились и оглянулись, поджидая оставших. До лагеря напрямую осталось пройти меньше тысячи шагов. Там, перед лагерем посторонних участников турнира, уже не было большого костра, освещающего окрестности, как большой костер освещал почти всю королевскую ставку, однако у палаток горело множество костров малых, и заблудиться было невозможно.

Нахождение шатра герцога Трафальбрасса они уже знали. Более того, посыльный рассказал Кнесслеру, что герцог пользуется в нижнем лагере великой популярностью и чувствует себя там ничуть не хуже, чем король Карл среди своих подданных.

В самом деле, подойдя к громадному шатру, по площади занимающему место четырех обычных палаток, рыцари увидели множество воинов вокруг костра. Сам Трафальбрасс, большой и шумный, что-то громко говорил, размахивая руками, в каждой из которых держал по кожаной кружке с вином, и громко хохоча над собственными словами, прихлебывая то из одной, то из другой кружки поочередно. Вся обстановка здесь напоминала обыкновенный бивуак идущей походом армии. Там не бывает места для церемоний, там рыцари своим поведением ничуть не отличались от обыкновен-

ных солдат-простолоудинов.

– Добрый вечер, герцог, – первым поздоровался Кнесслер. – Мы пришли к вам с интересным предложением. Не могли бы вы уделить нам несколько минут?

– Какой вечер... Какой вечер... Уже давно ночь вокруг! – шумно поприветствовал их Сигурд. – Хотя я не могу сказать, что она не добрая. В такой-то компании добро повеселиться не грех. В такой компании любая ночь покажется доброй...

Он поставил на камень свои вместительные кружки.

– Прошу, господа рыцари, в мои временные апартаменты, если вы не желаете говорить здесь. Это, конечно, не мой дом, и, тем не менее, я имею право вас здесь приветствовать на правах хозяина.

И он оглядел пришедших цепким, холодным и недобрым, как сразу заметил Оливье, взглядом, хотя только еще несколько секунд назад глаза его улыбались и светились, старательно показывая удалую радость. И граф сразу подумал, что в прославленном датчанине лицедейства больше, чем рыцарства. От таких людей можно ждать удара в спину. Более того, они потом сумеют вывернуться, преподнести этот удар как собственное геройство и насмеяться над жертвой своего предательства.

– Чем могу быть полезен вам, милостивые государи? Или вы пришли занимать очередь на поединок со мной?

– Это мы успеем сделать в последний день турнира, – спокойно ответил разумный Кнесслер, тогда как Аббио, не отли-

чающийся выдержкой, весь вспыхнул лицом. – Речь пойдет о втором дне, когда против сотни франкских воинов и двадцати рыцарей должны выступить сотня сакских и славянских воинов и двадцать посторонних рыцарей. Десять рыцарей привел с собой князь Бравлин, – поклон в сторону князя. – Остальных надо искать. Кроме того, всему отряду требуется предводитель.

– А вы сами не желаете участвовать в общей свалке?

– По условиям турнира, зачинщики не могут участвовать в меле, чтобы не пришлось кого-нибудь из них срочно заменять в последний день. Поэтому мы нуждаемся в вашей помощи.

– Ну что же, – герцог сделался пьяно-удовлетворенным и чуть высокомерным. – Я с удовольствием выполню эту миссию. В общей драке я собирался участвовать так и так, чтобы проучить этих франков...

– За что? – коротко и сухо спросил Оливье.

– А вы кто такой? Почему я не знаю вас? – спросил Сигурд.

– Это граф Оливье, тот рыцарь, по поводу возвращения из плена которого и устраивается этот турнир.

– Ах, вот как... Извините, граф. Я рад познакомиться с вами, – но руку для рукопожатия герцог не протянул, ожидая, видимо, вполне справедливо, что Оливье сам откажется от рукопожатия, поскольку, как только вошел в палатку, сразу убрал руки за спину, чтобы ни к чему не прикасаться.

ся. Тогда неминуема была бы ссора, а ссориться с маршалом турнира Сигурд раньше времени не хотел. – Если вы здесь, я скажу вам то, что с удовольствием высказал бы вашему королю, имей он терпение меня выслушать. Я – представитель датского королевского дома Скьелдунгов. Не самый последний, кстати, представитель. И король Карл обошелся со мной, как с грязным мальчишкой-побирушкой, которым брезгают. Неужели он думает, что я поверил всем тем надуманным доводам, что он привел, чтобы не допустить меня в состав зачинщиков? Не поверил... Правильно я сделал? – напрямую обратился герцог к графу.

– Правильно, – предельно сухо и твердо подтвердил Оливье. – Вы не понравились королю, впрочем, как и мне тоже. Карл посчитал, что вы не тот человек, который должен стоять под его знаменем. Это право короля! Право же этих господ, – Оливье поклонился в сторону рыцарей, которые привели его в палатку Сигурда, – предложить вам выступать на их стороне против Карла и франкского войска. Вот меле и покажет, на что вы способны.

– Ах, вот, значит, как... И вам я, стало быть, не понравился... Понятно, что франкам не может нравиться датский воин, способный объяснить на простом примере расстановку сил в Европе. И я объясню, обещаю вам. Я буду драться только боевым оружием, и пусть Карл знает, что многих рыцарей он лишится только потому, что я ему не понравился. И вам тоже...

Сигурд захохотал.

– Турнир большой, – сказал Оливье. – Перед вами обширный выбор противников. И ни к чему бахвалиться до того, как вы показали себя в деле.

– Итак, господа, – повернулся герцог к зачинщикам. – Я согласен принять на себя командование отрядом в меле. Завтра утром попрошу вас прислать ко мне тот десяток воинов князя Бравлина, что попадает под мою команду. Правда, я предпочел бы датчан, но мой соотечественник граф Ксарлуп по непонятной причине задерживается, и придется пользоваться тем, что окажется под рукой. Я соберу оставшихся из посторонних рыцарей. Мне говорили, что на окраине лагеря безвылазно сидит в своей палатке какой-то аварский гигант. Я посылал за ним, приглашая к общему столу, но он пожаловать не соизволил. Может быть, вам удастся уговорить его?

– Аварец? – спросил Кнесслер. – Как его зовут?

– Право, я даже не знаю. Сходите, здесь сто шагов...

Рыцари раскланялись с герцогом.

– Вы не на шутку разозлили этого зверя, граф, – сказал Бравлин Оливье. – И поделом. Сигурда давно пора поставить на место. Надеюсь, что Радегаст даст нам возможность сойтись с ним в поединке...

– Мне, к сожалению, на это рассчитывать не приходится, – грустно вздохнул граф. – Этот герцог – настоящий бахвал. А сколько я знаю бахвалов, в деле они стоят мало.

– В этот раз вы ошиблись, – не согласился Аббио. – Зигфрид очень сильный боец.

Палатку аварского гиганта они нашли без труда. Но слуга или оруженосец, сидящий у костра, на плохом франкском заявил, что его господин отдыхает и не велел его будить.

– Приходите утром, – предложил он.

Рыцари согласились навестить аварца утром. И направились уже к Песенному холму, когда Бравлин внезапно вернулся к сидящему у костра человеку.

– Как здоровье моего брата князя Годослава? – тихо, чтобы не слышали остальные, спросил он Далимила.

Далимил встал.

– Он старается быть здоровым, и будет здоровым, если предатели не нанесут ему удар в спину. Ты же, князь, – поклонился он Бравлину, – сам предупреждал его о такой опасности.

Далимил узнал в князе простого дружинника, встретившего на пристани Ставра с разведчиками и предупредившего об опасности, грозящей Годославу.

– Опасность ждет его и здесь. Пусть не раскрывает свое имя и не открывает лицо.

– Я передам ему твои советы.

– Как он себя называет?

– Никто не спрашивал его имени.

– Пусть назовется князем Ратибором. Я знаю одного аварца Ратибора, славянина по матери. Это даст нам возмож-

ность общаться без подозрений.

– Я передам твои слова князю.

Бравлин поспешил догнать рыцарей.

– Что вы спрашивали у этого оруженосца? – поинтересовался Оливье.

– Мы все забыли спросить имя рыцаря. Оказывается, я его знаю. Это князь Ратибор. Он известен в Аварском каганате как хороший мечник, но не большой любитель драться копьем.

– Ратибор – это славянское имя, – сказал Аббио.

– У него мать славянка. Я утром навещу его и, думаю, смогу договориться. Только пусть кто-то другой сообщит об этом Сигурду. У меня слишком мало желания общаться с этим заносчивым герцогом.

– Я сообщу, – согласился Кнесслер.

Глава 3

После допроса Фрейи, злой, но именно от этого переполненный кипящей энергией, жаждой деятельности, князь-воевода поднялся во двор вместе с княгиней, приказав предварительно запереть пленницу в одной из клеток подвала, но запретив кату прикасаться к ней. Ероха, уже предвкушавший волю, которая ему давала возможность безнаказанно издеваться над людьми, только моргал в расстройстве узкими глазами, но возразить не посмел. Злой хозарин свое дело любил, делал его всегда основательно и со старанием и испытывал удовольствие от мучений жертв. Сейчас князь этого удовольствия его лишил.

Кузнец перекинул из руки в руку молот и посмотрел восторженно на Дражко.

– Пока без цепей, – сказал, смягчившись, воевода. – Княгиня Рогнельда еще решит, что с ней делать. Свентовит подскажет ей...

На улице начинало стремительно темнеть. Ветер опять нагонял рваные облака, за которыми с моря могли прийти, как это часто бывает, и грозовые тучи. А Дражко, из-за суеты и беготни, так и не послал глашатного на посольский двор для приглашения к приему и почетного сопровождения, хотя дамы, должно быть, давно приготавились, влезли в лучшие костюмы, соответствующие дипломатическому моменту.

Как сейчас там? Чего там ждут? О чем думает герцог Гуннар? Что сделать желает? Удалось ли перехватить жалтонеса или он все же добрался до своего хозяина?

Целый доверху наваленный воз вопросов! А второй воз следом тянется!

И их нерешенность стоит в голове сумбуром, мешает сосредоточиться на чем-то одном, важном, срочном. А это всегда плохо, когда не можешь сосредоточиться. Если такое происходит в сражении, лучше сразу признать свое поражение. Потому что с сумбуром в голове сражение не выиграть. Сейчас тоже идет сражение. Еще без бряцания оружием, без бешеного ржания коней, уносящих всадников в атаку, без бесшабашного удалства дружинников, но действие уже началось. Настоящее, которое вскоре станет и кровопролитным. Пока только занимают свои места полки, примериваются к расстоянию, отделяющему их от врага. Пока еще даются последние инструкции воеводам – кому идти вперед, кому совершить обхват, а кому стоять плотным строем, намертво, и не допускать вражеского прорыва. Все точно так, как на настоящем поле боя. И потому следует все вопросы, по возможности, решать быстрее.

Со стороны посмотреть на жизнь Годослава – и князь-воевода так же смотрел порой – в свое удовольствие князь дни проводит. И каждый думает, что сумел бы так же жить. А для правления голова нужна ясная, мысль четкая. Из тысячи человек только один и может так мыслить. Это Дражко понял и

пожалел, что его двоюродного брата сейчас нет рядом. Вдвоем решить проблемы было бы проще. Но у Годослава и там, в Хаммабурге, в ставке Карла Каролинга, проблем, должно быть, не меньше. И там их тоже следует решать, как и здесь.

– Эй, служилые, подите-ка сюда.

– Слушаем, княже... – подошли два стражника, что покинули дворец и направились в караульное помещение.

– Срочные дела есть?

– Только что с поста сменились.

Короткая пауза, чтобы придать моменту наибольшую серьезность.

– На новый пост заступаете. Военное время! – сказал и добавил последнюю фразу, чтобы подавить вздох со стороны стражи: – Важный пост. Не каждому доверять можно...

Женщину похвалить – только вызвать ее гордость, от которой потом спастись придется. Воина похвалить – только заставить его служить лучше. Всего несколько слов, и стражники костями лягут за Рогнельду.

Дражко отослал их вместе с княгиней наверх, приказав держать охрану у дверей светлицы и никого постороннего, даже ближних слуг, включая женщин, не оставлять с Рогнельдой наедине. При любом опасном движении сначала бить копьем, а потом разбираться. Княгиня слушала приказания воеводы и кивала. Она тоже поняла важность и опасность момента. Отец не простит, он не умеет прощать того, кто осмеливается встать на его дороге. Не умеет прощать чу-

жих – врагов. А родную дочь он посчитает просто предательницей. Предателям тем более пощады ждать не следует.

– Что так строго, княже? – стражники еще не поняли ситуацию. Они не знают, что случилось и чего ждать следует.

– Даны князя отравить хотели. Может, и убить захотят. Княгиня отца разоблачила. «Коршун» дочь не простит... На вас ее жизнь...

Воины переглянулись хмуро. Дражко знал, что говорил. Теперь эти слова обойдут и других стражников. Через них выйдут к утру в город, оттуда разлетятся по всему княжеству, вызывая возмущение врагами и желание торжества справедливости. Желание торжества справедливости – это лишний меч, направленный острием в сторону врага, это лишняя стрела, пущенная в датскую колонну из ближайшего леса. Так будет! Война будет всеобщей! Дражко сумеет сделать ее всеобщей, потому что это война справедливая, за свой дом...

Глашатному Сташко уже успели доложить, что Дражко вышел из подвала. И тот поспешил навстречу, тяжело, постарчески дыша и широко переставляя жезл-посох.

– Сфирки еще не было?

– Покуда не воротился, княже.

– Как только появится, сразу его ко мне. Пусть найдет, где бы я ни был.

– Пришлю.

– Военное положение. Чужих за порог без моего ведома

не пускать. Предупреди всю стражу. Строго.

– Понял, княже.

Дражко отправился в нижнюю гостевую горницу к боярам. С этими тоже предстоит разобраться как можно быстрее и сбросить с плеч хотя бы один вопрос. Двое стражников, оставленных на посту у выхода во двор, вошли в дверь следом за ним, один остался снаружи. Других, стоящих у внутренних дверей, предупредили заранее, чтобы были наготове.

Бояре сидели в полумраке, при закрытых с улицы ставнях, потные и испуганные. Глаза бегали, не хотели встречаться с холодными и сумрачными, льдом обжигающими глазами воеводы. Боярских слуг уже успели разоружить, и те собрались отдельной группой в углу, не понимая, что происходит, растерянные. Никогда еще на памяти бодричей не было случая, чтобы по приказу князя или воеводы так обращались с боярами. Сами бояре о таком не слышали. И потому казалось, будто начинается нечто страшное, рушащее всю привычную жизнь.

– Что, господа бояре, предательство гадкое, говорят, вы задумали?

– Как можно, княже Дражко... – за всех ответил Мистиша. – Мы же тебя с младенчества знаем. И ты всех нас знаешь. Как можно...

Дражко злобно, как дикий камышовый кот, пошевелил усами. При всей его внешней военной прямолинейности хитрости ему было не занимать, и с Мистишей, при случае, по-

тягаться мог. И потому, изображая эту известную всем прямолинейность, задал вопрос, который косвенно подтверждал боярский заговор:

– Кто данам сообщил об отъезде Годослава? Ты?

Можно было в ответ просто удивиться: как, а разве Годослав уехал? И тогда у воеводы не было бы причины, чувствуя предательство, допрашивать их с пристрастием. Но бояре были слишком напуганы. Даны далеко. Годослав далеко. И все решает здесь Дражко. И потому Мистиша сразу постарался переложить груз на чужие плечи.

– Это не мы... Это слуга герцога Гуннара с Фрейей разговаривал. Она сказала, а он побежал докладывать.

– А кто вам разрешил привести во Дворец Сокола слугу герцога Гуннара? Кто, я спрашиваю...

Мистиша не нашел, что ответить. Не мог же он сказать, что взять с собой жалтонеса приказал герцог. Это значило бы сразу подписать себе приговор. Но они уже и без того приговор подписали.

– Почему вы пришли сюда с вооруженными слугами? Готовились захватить и убить Годослава? Или меня? Говори! Кто приказал прийти сюда? Говори!

Мистиша опять не ответил.

– Стража! – крикнул князь-воевода.

Через главные двери с шумом ввалились стражники с копьями наперевес. Они все слышали, они уже знали о заговоре. Бояре осмелились на князя руку поднять! Бояре данам

продались! Предателей всегда ненавидят больше, чем врагов.

– В подвал их. К хозарину. Пусть для начала плетью каждого с душой отходит, потом разговаривать с ними будем всерьез. И пусть Чернобогу молятся, он их с удовольствием примет... Слуг пока оставьте. С этими я сам сначала поговорю.

Бояре пытались сопротивляться, начали возмущенно вопить, угрожать. Перед стражей они хотели воспользоваться авторитетом своего звания, чего не могли перед князем-воеводой, но стражники тоже были озлоблены.

– Да как смеешь, чухло неумытое, на боярина руку поднимать!..

Одного ударили в лоб тупым концом копья так, что язык чуть не проглотил. Мистише, когда сам ударил стражника, проткнули острием плечо и кулаком, боевой рукавицей скованным, нос расквасили. Кровь сразу произвела впечатление. Воздух вышел, и гонор кончился. Замолчали и дали себя увести. Поняли, слишком далеко уже зашел Дражко, чтобы остановиться. Лучше вести себя тише. Может, все и утихомирится. Воевода отходчивый.

– Княже, Сфирка прибыл...

– Пусть сюда идет.

А сам подступил к боярским слугам. Эти не бояре, попроще, без гонора, сразу при приближении к ним упали на колени. Молча, с сознанием вины. Для слуг это не зазорно. Осо-

бенно, когда и сами бояре готовы к тому же. Князь смотрит сурово, топорщит усы.

– Зачем пришли оружными?

– Бояре велели.

– А боярам кто?

Молчание. Им, конечно, и известно мало. Кто слугу посвящать будет. Разве что сдуру... Слугам только приказывают и не требуют от них думу думать. Думающих слуг метлой со двора гонят.

Но Дражко внезапно сказал с усталостью:

– Вы люди подневольные... Вам приказал хозяин, вы пошли. Потому на первый раз, может быть, и прощу.

– Подневольные мы... – подтвердил сиплый голос.

За спиной князя остановился Сфирка.

– Я забираю вас у бояр. Сами бояре из подвала больше не выйдут. А вы еще княжеству послужить должны и вину свою искупить. Ждите здесь, вот он вам прикажет, что будете делать, – показал Дражко на Сфирку. – Заслужите прощение, живите... Не заслужите, уж не обессудьте... Даны вам не помогут, покуда вы не бояре. И будете ими вряд ли.

– Вряд ли... – согласился тот же сиплый голос.

В полумраке комнаты Дражко и не рассмотрел толком, кому этот голос принадлежит.

Он вышел во двор, чтобы поговорить со Сфиркой. Подниматься на этажи дворца не хотелось, да и времени не было бегать вверх-вниз.

– Где жалтонес?

Сфирка посмотрел виновато, как побитая собака.

– Не знаю, княже, что мы натворили... Шум лютый из-за нас поднялся! Догнали бояр уже у посольского двора. Прямо у самых ворот. Кинулись к жалтонесу, а тут из калитки выскакивает посольская стража и на нас. Драться даны, сам знаешь, княже, умеют. А нас не много... Еле отбились. Но в посольстве переполох вызвали небывалый. Сам герцог на шум вышел. Жаловаться теперь будет. Что делать?

– Гонцов перехватывать, вот что делать, – не на Сфирку, а на обстоятельства разозлился Дражко. – Они сейчас гонца погонят в Хаммабург к Сигурду. Охоту объявят на нашего князя Годослава. Знают уже, что он там.

– Посты никто не снимал. Гонцов перехватим, не впервой. Постами на западе Скурлата ведает, на севере Годион. Они свое дело знают.

– А если не перехватите?... Сколько людей у Ставра?

Сфирка пожал плечами:

– Не знает никто. Думаешь, бывало, вдвоем с ним пошел, приходишь куда след, а там еще добрый десяток по лавкам сидит, ждет. У него везде люди есть. И в Хаммабурге есть. Я был там с ним раз. Думаю, вместе с нашими десятка два наберет.

– Возьми еще десяток и гони туда сам. Хотя, подожди... Ты и тут понадобишься на случай моего отъезда. Доверю тебе княгиню охранять. Есть кто надежный под рукой?

– Лют-пращик. Только утром от переправы прискакал.

– Молод.

– Самый сообразительный. И умом, и делом быстр...

– Добро. Мы с тобой тоже молодыми были. Пусть берет десяток – Ставру в помощь, и гонит хоть всю ночь без передыху в Хаммабург. Только одно скажет: «Сигурд знает». И побыстрее. И подумай, как боярских слуг использовать. Они в твоём распоряжении. Гоняй по всем делам, чтобы волосы на голове задымались, пусть с потом из них дурь выходит. Они же бодричи... И... И весть пусти, что князь-воевода слуг помиловал, а боярам предательства не простил. Слуг и дворовых у бояр много. Они нам понадобятся...

Сфирка торопливо убежал, сам запыхавшийся и потный, но почти сразу же и вернулся. Лицо, обычно хитрое, как у лисы, совсем тучи мрачнее. Но Дражко от такого облика разведчика только просиял и усы расправил. Там, где следует быстро решать и так же быстро действовать, он себя лучше всего чувствует. А действовать уже надо в самом деле быстро и решительно. Ощущается приближение грозы. Не природной, небесной, от богов идущей, а человеческой. Она страшнее бывает любой бури.

– Вестовой прибыл. Из догляда, что у посольского двора сидел. Говорит, герцог Гуннар сюда едет. Вместе со всеми своими дружинниками.

– Сколько их там, полусотня?

– Около того.

– Он что, с умом разругался?

– Похоже на то.

– Добро. Ты беги свое дело делать. Мы их тут встретим.

Дражко вызвал сотника стражи. Оказалось, тот уже в курсе дел.

– Дозволь, княже, стрельцам галерею занять. Обзор хороший, все подходы перекроют.

– Пусть занимают. Только пусть сразу не показываются Гуннару. За парашетом посидеть есть где. Сколько у тебя еще людей наготове?

– Две сотни еще.

– Полусотню распредели по первому этажу. Перекрыть входы и окна, что без ставен. Остальных по окружности площади. И бегом... Как только даны подойдут, пусть сжимают кольцо. И побольше факелов наготовить. Чтобы видно их было, если совсем дотемна время протянут. Действуй!

Теперь осталось ждать. Но ожидание противника – это не ожидание вестей. Ждать противника привык каждый воин. Привык и Дражко. А если Гуннар идет вместе с полусотней воинов, идет в преддверие ночи, когда его не должны ждать, это уже война.

Сфирка влетел в комнату запыхавшийся, с разинутым ртом.

– Беда, княже! Недосмотрели мы...

– Что опять, вестник ненастья, случилось?

– Бояре...

– Что – бояре?

– За боярами недосмотрели. В боярских дворах дружины собраны. Сейчас они по городу идут, людей собирают, в дома колотятся. Говорят, что ты убил Годослава и объявил себя князем бодричским. И хочешь взять Рогнельду себе в жены. Потому герцог Гуннар, отец Рогнельды, и выступил против тебя.

– Что за глупость? – вдруг покраснел и растерялся Дракко.

– У Гуннара теперь, вместе с боярской дружиной, около пяти сотен. А если народ не разберется и тоже к ним присоединится, нам плохо придется! Дворец долгой осады не выдержит. Не крепость, чай...

Растерянность прошла быстро. Обстановка не позволила разрешить себе расслабление. Дракко, раньше заведенный и рассерженный до предела, вдруг успокоился, словно голову в ледяной родник опустил. Встал, будто отряхнулся, расправил плечи и улыбнулся, о чем сказали задравшиеся кверху усы.

– Добро... Я сейчас вернусь... Предупрежу княгиню и приготовлюсь к бою. Ты займись стражей. Я приказал им по площади рассыпаться, пусть сотник их сюда соберет. И – отсылай Люта! Вместе с тем десятком...

– Нам сейчас каждый человек дорог.

– Годославу, может статься, тоже... Он – наш князь! Отправляй Люта. И еще пошли человека ко мне в усадьбу. Там

три сотни дружинников стоят под копьём. Я собирался завтра их к Полкану отправить. Зови сюда. И предупреди стражу на городских воротах. Все!

Дражко вышел и только на лестнице понял, в какое действительно сложное положение он попал и как ловко воспользовался моментом герцог Гуннар. Ведь сейчас и на стражу положиться нельзя. Стража думает, что Годослав лежит больной у себя в спальней светлице. И если не обнаружит его там, то поверят не Дражко, а Гуннару. Что тогда?

И вообще Гуннар думает быстро и решает правильно. Не зря он столько лет не теряет своего влияния на короля Дании Готфрида. Герцог, конечно же, почувствовал острую ситуацию, сложившуюся вокруг посольства. И отлично понял, чем это грозит не только Дании, но и ему самому, лично. С пятью десятками воинов в чужом городе... На что он мог рассчитывать в случае провала? Как всегда, только на бояр, на извечную внутреннюю оппозицию, которой сильная княжеская власть не по душе. И «датский коршун» подготовил их основательно. Заранее подготовил, воспользовавшись моментом, когда сильная княжеская дружина стоит на границе. Он собирался использовать бояр и их людей после смерти Годослава, как предполагалось, от яда. И тогда Дражко все равно обвинили бы в убийстве и в попытке захватить княжеский стол бодричей, поскольку ему не удалось совсем недавно захватить княжеский стол лужицких сербов. Это со стороны выглядело очень ловким ходом – использовать цель

недавней войны как корыстную для воеводы, личную, хотя в действительности цель эту придумал Годослав, чтобы попытаться объединить два сильных славянских княжества в одно и принудить войти в союз оказавшееся между двух огней третье – лютичей. Тогда были бы под рукой объединенные силы, которые в состоянии противостоять и Карлу, и Готфриду. Но лужицким сербам помогал кто-то со стороны. Может быть, Карл, может быть, те же датчане. Иначе откуда взялись деньги на немалое количество германских, норвежских и свейских наемников, вдруг встретивших в копье полки Годослава и княжича Гостомысла, молодого сына князя ильменских словен Буриvoja, что пришли бодричам в помощь. Конечно, не на свои деньги наняли сербы и брата норвежского короля ярла Райнульда Трюгвассена с дружиной...

Герцог Гуннар думает, что просчитал все варианты.

Только – все ли?..

Если бы первоначальная задумка герцога провалилась, ему опять же нужна была поддержка боярских дружинников, чтобы избежать наказания. Сейчас ситуация изменилась. И Гуннар принял единственное с его стороны правильное решение, использовав тайный отъезд Годослава в Хаммабург.

Дражко просчитал все это и понял, в какие ловко поставленные сети они с Годославом угодили. Но не каждая сеть сумеет удержать крупную рыбу. И, как всегда бывало в моменты опасности, голова его заработала ясно, а руки требовали действия. Князь-воевода по природе своей и по воспи-

танию был воином, и опасность, трудности не угнетали его, как могли бы угнетать купца или ремесленника, а мобилизовывали. И еще одна мысль не давала покоя. Если случится ему сейчас здесь потерпеть поражение, то поражение это потерпит не он, а все княжество. Годослав уже никогда не вернется в Рарог. Его просто не пустят сюда. Его обязательно убьют или в Саксонии, или уже по дороге домой.

И княжество бодричей станет провинцией Дании.

Нет, не станет...

Дражко даже улыбнулся сам себе.

Не станет!

Стоит спокойно подумать, и решение придет само по себе. Да! Есть решение! Два стражника, которых князь-воевода обещал при определенных обстоятельствах за язык подвесить, подтвердят отъезд Годослава остальным стражникам. Подтвердит его и княгиня Рогнельда, хотя герцог надеется на другое. Напрасно надеется. Он потерял былое влияние на дочь. Сейчас в Рогнельде нет воспитанного страха, потому что у нее есть против отца защита, есть муж и брат. Любящие муж и брат, которые грудью своей ее закроют от предательского ножа.

Слуги помогли Дражко торопливо облачиться в легкие доспехи, которые он предпочитал тяжелым, чтобы сохранять привычную подвижность, и подвесили к поясу скандинавский меч. Если драться предстояло на коне, Дражко всегда предпочитал меч славянский, более длинный, если на стенах

города или в помещениях, то скандинавский был ему удобнее. В таком виде, стремительно перейдя галерею, где уже прятались за парапетом от внешних взоров готовые к обороне стрельцы, вошел сразу на этаж к княгине. Застал Рогнельду склоненной над детской колыбелькой. Без предисловий рассказал, что случилось и что задумал герцог.

– На тебя, княгинюшка, вся надежда... Как ты, не убоишься отца?

Она посмотрела твердо и сказала тихо:

– Мы ведь уже прыгнули через пропасть, Дражко... Страшно было, но прыгнули... Обратной дороги нет!

– Добро... Тогда я спокоен. К окнам не подходи. С площади могут стрелять. Лучше не зажигай огня. Если понадобится, я пришлю стражника.

– Хорошо. Не сомневайся во мне. Как думаешь, Годослава они не найдут?

– Пусть и найдут. Князя хорошо охраняют. У Ставра больше двадцати человек на месте. Я еще десятерых отослал. Это самые надежные. С собой, если придется, закроют князя... Да и король Карл за порядком следит... Разбойников он не терпит...

– Спаси его Свентовит!

В минуты опасности для славянского князя Рогнельда обратилась не к скандинавскому Одину, а к славянскому Свентовиту. Говорит ли это, что она уже почти славянка? Впрочем, об этом думать сейчас некогда.

Теперь бегом вниз. Время дорого. Сотник стражи уже собрал свою дружину у входных дверей. Ждали приказаний и готовились к обороне. На первом этаже было так тесно, что трудно оказалось в такой обстановке отыскать нужных людей.

— Кого я утром обещал за язык подвесить? — сначала поднял руку, призывая к тишине, а потом крикнул князь-воевода стражникам, остановившись на лестнице, чтобы всем было его видно. — А ну, выходи к середине...

Встала тишина. Больше минуты никто не реагировал на призыв Дражко. Потом несмело шагнул вперед один, за ним следом второй. Смотрели на воеводу настороженно, непонимающе.

— Мы, княже, никому...

— Что вы видели утром?

— Ничего не видели. Как ты и велел...

— Балбесы!.. Сейчас *надо* сказать! *Говорите* всем. Чтобы все слышали и не сомневались.

— Князь Годослав переоделся, лицо бармицей закрыл, чтобы его не узнали, и выехал куда-то. Мы ворота за ним закрывали и прощались.

Среди стражников опять повисла тишина.

— Значит, Годослав не болен? — спросил наконец сотник.

— Не болен. Годослав выехал на турнир в Хаммабург, чтобы там встретиться с королем франков Карлом и договориться с ним о помощи против Датского королевства. Дания при-

готовила на границе свои полки, чтобы вторгнуться на нашу землю. Герцог Гуннар, отец княгини Рогнельды, прислал ей яд, чтобы она отравила князя. Не получилось, княгиня осталась верной женой! А сейчас посольство данов вместе с боярскими дружинниками поднимает народ, чтобы разгромить Дворец. Они обвиняют меня в убийстве Годослава и в попытке стать князем бодричей.

– Не пустим данов... – из толпы вооруженной стражи пополз низкий и сильный голос. – Близо не пустим...

– Не пустим... – зашумели все.

Половина дела была сделана. Теперь бы еще донести все эти слова до горожан. И подоспела бы дружина из поместья. Впрочем, и без нее справиться с данами и боярскими дружинами можно. Стены дворца крепки. Их с наскоку не взять. А если рарогчане поймут, они помогут...

– Сотник! – позвал Дражко.

Сотник оказался рядом, посмотрел обиженно. Его не посвятили в отъезд князя. Но своим подчиненным он верил. Привык верить и старому глашатному Сташко, который сейчас распоряжался расстановкой постов. Этот еще с отцом Годослава вместе был. И сына не предаст. Да и Дражко верилось больше, нежели герцогу данов.

– Пошли через задние ворота человек двадцать в город. Самых серьезных, которым верят. Пусть расскажут людям, что в городе творится. Нельзя горожан на площадь пускать. Мы не можем в своих стрелять... Пусть расскажут и возвра-

щаются быстрее. Нам здесь их копыта понадобятся...

Сотник побежал выполнять поручение, а Дражко вышел из дворца на крыльцо, где стражники выставляли ночные рогадки. Пустая вечером торговая площадь освещалась только луной. Из города доносился непривычный шум. Но ни горожан, ни данов с боярскими дружинами видно не было. Похоже, герцогу не очень верят. Может быть, не верят даже боярские дружины. Иначе он не стал бы терять время.

– Княже... – внезапно раздался за спиной детский голос.

Дражко обернулся. В дверном проеме стоял Власко, про которого воевода в заботах совсем забыл. Глаза отрока смотрели печально и тревожно.

– Что тебе?

– Княже, у тебя кольчуга плоха. Надень панцирь...

– Что? – переспросил Дражко.

– Кольчуга, говорю, у тебя совсем плоха.

– Кольчуга у меня, Власко, отличная... Ее не любой меч рассекает. Разве что стрела пробить может.

– Княже, я в воду смотрел... Не надо кольчужку. Надень панцирь... Ты сам просил... Как изменить, что видишь... Измени, княже...

И мальчик исчез так быстро, словно его и не было, будто он только пригляделся воеводе, который пощупал кольца своей кольчуги и вздохнул.

С крыльца Дражко отправился осматривать Дворец Сокола на предмет обороны. Искал слабые места и выставлял там

дополнительно по несколько человек. Откровенно слабыми в обороне были только крыльцо и дворовые ворота. Здесь и расположилась основная часть стражников. Но после дворовых ворот нападавшим следовало еще войти в сам дворец, где их ждут у каждого входа. Левое крыло, отведенное под различные официальные мероприятия, имело мало возможностей для проникновения и не вызывало беспокойства. Воєвода прошел и в крыло правое, где сам жил. Там еще раз вспомнил Власко, зашел в свою комнату и сменил кольчугу на более легкую, поверх которой надел бахтерец⁴. Подумал и прицепил поверх доспехов привычную шкуру рыси. Опустил передние когтистые лапы на грудь. В это время и услышал, как его зовут. Выглянув в узкое окно, он понял, что пора спускаться. На площади, на другом ее конце, появились даны.

Коридоры правого крыла были темными и пустынными. Лучины не зажигали специально, чтобы враг не знал, в каких комнатах их ждут и откуда можно получить в грудь стрелу. Ту самую длинную славянскую стрелу, от которой почти не спасает щит, не спасает кольчуга. И только чудо может спасти, когда стрела попадает не прямо, а под углом. Здесь, в этом крыле, только в отдельных комнатах заняли посты стрельцы и стражники, получившие задачу в случае проник-

---

⁴ *Бахтерец* – вид доспеха, состоящий из продолговатых стальных горизонтальных пластин, соединенных по короткой стороне вертикальными рядами. Надевался поверх кольчуги. В славянские княжества пришел с Востока, вероятно, из Персии через Византию.

новения в крыло врага отступить и разрушить дощатую лестницу на галерею, через которую можно попасть в верхние этажи крыла противоположного, занимаемого покоем княгини Рогнелды. Весь план обороны был рассчитан на то, чтобы именно покои княгини стали последним местом, в которое врага пропустить нельзя.

Все было продумано раньше, все было знакомо, каждый знал свою задачу, и воевода повторил ее на всякий случай дополнительно. И враг появился. Значит, следует начинать сражение. Не ждать, когда на тебя нападут, а нападать самому, действовать активно.

Дражко, торопясь возглавить передовой отряд, который уже дожидался его перед парадными дверьми, прошел к лестнице и уже ступил на площадку, когда услышал за спиной шорох. Не оборачиваясь полностью, он только глянул на ходу через плечо, и тут почувствовал удар в спину между лопаток. Бахтерец был прикрыт шкурой, и предатель не видел, куда бьет. Сталь бахтерца выдержала, хотя занесенная над лестницей нога заставила воеводу пошатнуться и шагнуть вперед, едва сохраняя равновесие. Он успел все же обернуться и попытался отмахнуться, но отвести чужую, летящую вперед руку не успел. Предатель свое дело знал хорошо. Следующий удар пришелся туда, где бахтерец кончается и начинается кольчуга. Длинная и тонкая мизерикордия⁵,

---

⁵ *Мизерикордия* (кинжал милосердия) – рыцарский трехгранный кинжал, предназначенный для добивания противника, не снимая с него доспехов. За счет тон-

специально сделанная для такого удара, легко прошла через защитное кольцо и пронзила плечо, углубляясь в грудь. Дражко упал, но еще успел услышать знакомый сиплый голос боярского слуги:

– Не в ту сторону ты, воевода, смотрел...

кого клинка мог пройти в самое небольшое отверстие, такое, как кольцо кольчуги или смотровая щель шлема.

Глава 4

Весь вечер и всю ночь после ухода Ставра Годослав проспал, не просыпаясь, и, когда Далимил разбудил его утром, поднялся свежим и бодрым, без тяжелого давления тревожных дум. Уже давно князь не чувствовал себя так прекрасно, уже давно забыл, как выглядит приподнятое настроение и что оно несет. Уже давно дела и заботы не позволяли ему просто посмотреть на только что взошедшее солнце и порадоваться ему, как, бывало, радовался он еще год или три года назад. Ведь только сутки прошли, как он смотрел на это же солнце, разговаривая на галерее с князем-воеводой Дражко. И не заметил тогда утра, не заметил восхода, не заметил свежей прелести неба. Трудно быть князем и оставаться одновременно человеком, потому что давит на плечи постоянное беспокойство. А как, оказывается, прекрасна жизнь без него!

– Свежий воздух да лечение волхва Ставра... – объяснил Далимил князю его приподнятое состояние духа. – Тебе, князь, следует почаще со Ставром общаться. Сдается мне, такое лечение даже мне, самому здоровому человеку из всех, кого я знаю, пошло на пользу. Я тоже такой свеженький, что хоть в турнире принимай участие. А ведь я только со стороны слушал, как с тобой Ставр говорил...

– Кто-то из наших сегодня участвовать будет?

– Ставр привез с собой Барабаша, – Далимил сказал это

так, словно выложил перед Годославом сюрприз, который за-
годя подготовил.

– Того стрельца, который всегда вздыхает, как болотная кикимора? – поинтересовался князь с улыбкой, такой редкой на его лице в последнее время, и Далимил сам заулыбался, радуясь хорошему настроению Годослава.

– Да. У нас лучше Барабаша в дружине никто не стреляет. Франки и саксы с ним тягаться не могут. Правда, Бравлин привез своих стрельцов. Посмотрим, что они покажут. Но лучники⁶ у вагров, насколько я знаю, всегда были отменные. Хотя он тебе, княже, сам об этом расскажет. Обещал утром прийти, и я слышу, как гремит чья-то кольчуга. Местные рыцари вчера допоздна пьянствовали с герцогом Трафальбрасом и проспят до самого начала завтрашнего турнира. Они сейчас не ходячие. А кто-то идет. Слышишь, шаги к нам приближаются...

В самом деле, кто-то трижды стукнул в щит Годослава, вывешенный у входа в палатку.

– Входи, княже, если ты один, – сказал Далимил. И добавил вполголоса: – А если он не один, то спутник прилетел по воздуху, иначе я услышал бы его шаги.

Полог осторожно дрогнул, и из-за него в самом деле появился князь Бравлин Второй. Насупленный, озабоченный,

---

⁶ Лучником у славян назывался не тот, кто стреляет из лука, а специалист по изготовлению луков. Так же, как стрелочником назывался не железнодорожник, а специалист по изготовлению стрел. Только с конца XVI века появилось в употреблении слово «лучник», имеющее отношение к самому стрелку.

чем-то недовольный. Но, увидев перед собой сияющего князя Годослава, улыбнулся и обнял его.

– Я рад, что ты добрался до Хаммабурга невредимым.

– Я благодарю тебя, старший брат, за заботу о моей жизни, – ответил Годослав. – Мне рассказали, что ты сам приезжал на переправу, чтобы предупредить меня.

– Граф Ксарлууп, хоть иногда и бывает моим гостем из-за любви к славянскому меду, не всегда придерживается правил чести. Я боялся, что даны просто застрелят тебя на дороге. И потому рекомендовал не ездить.

– Сейчас эти даны вдоль той же дороги развешены на великий праздник воронам, – мрачно нахмурил брови Годослав, вернувшись от радостного состояния к состоянию озабоченности. – А сам граф с распоротым животом, если все еще живой, пытается добраться до своего короля в сопровождении всего одного обезоруженного воина, которого я ему оставил вместо костыля.

– Сильно же ты осерчал на Готфрида...

– Его полки стоят на моей границе, хотя я не звал их к себе в гости. Я просил помощи в войне, но у данов есть собственная граница с франками, и крюк, который они желают сделать, заглянув по пути в Рарог, совсем мне не нравится. Если Готфрид согласен поговорить с Карлом языком оружия, пусть к Карлу и отправляется, не заезжая ко мне. Но самому Готфриду и его окружению, похоже, совсем не нравится мое желание оставить свои границы в неприкосновенности.

И потому он подсылает ко мне убийц и отравителей.

– Отравителей? – переспросил Бравлин.

– Ты еще не знаешь этой истории?

– Нет.

– Вместе с посольством приехал герцог Гуннар...

– Твой тесть.

– Да. И он, памятуя прошлое влияние на дочь, приказал ей подливать мне в пищу какой-то яд, который должен передать его человек. Мне оставили жить всего несколько дней до того, как полки данов соберутся у моей границы полностью.

– Это уже слишком! При всем моем уважении к королю Дании – это уже слишком! И что ты собираешься делать в такой ситуации? Готфрид, похоже, надумал в своей жадной всеядности просто проглотить княжество бодричей, как Карл собирается проглотить княжество вагров.

– Именно поэтому я здесь. Я еще, сознаюсь честно, не решил окончательно, как поступлю. Хочу сначала присмотреться к Карлу. В сравнении с Готфридом Карл выигрывает тем, что он не захватывает, а присоединяет. Я вижу в этом разницу. При захвате противника убивают, а при присоединении его подчиняют.

Бравлин в сомнении покачал головой.

– Я не верю этим франкам. Уже много лет я воюю с ними, терплю поражение за поражением, но воевать продолжаю. Сейчас между нами мир, и потому меня пригласили на турнир. С Карлом я встретился впервые, но сразу заметил,

что он заигрывает со всеми противниками. Старательно показывает нам, что желает мира. Но он желает мира своего, такого, где только один правитель – король франков. А мы желаем жить своим миром.

– Тебе, старший брат, проще. Тебя, по крайней мере, не пытаются отравить или убить. А мне нет спокойствия ни дома, ни в дороге, ни здесь...

– И здесь тоже?

– Сигурд... – пояснил Годослав. – Если он узнает меня, следует ждать неприятностей и подлости. Герцог ничем не лучше графа, когда ему хочется добиться поставленной королем цели. Хотя, как говорят, он значительно опаснее Ксарлуупа, как более сильная и менее пьяная личность. И как воин сильнее несравненно.

– Да, мы вчера заглядывали к нему по необходимости и слегка повздорили. Трафальбрасс произвел неприятное впечатление на всех, кроме собутыльников. Так же к нему отнесся Карл, почти оскорбив, хотя и вежливо, отказом включить в число зачинщиков. А сейчас я проходил мимо его палатки, оттуда запах идет, словно не человек там живет, а валется стерво⁷. Хоть нос затыкай... И рядом с палаткой прямо на траве спят пьяные. И это цвет саксонского рыцарства!..

– Однако наш викинг сам никогда пьяным не бывает, –

---

⁷ *Стерво* – в славянских языках так называли падшее животное, гниющий труп. Только в XIX веке это слово слегка трансформировалось и превратилось в ругательство.

усмехнулся Годослав. — Он, как князь Дражко, может выпить целый винный погреб и спокойно дойти до дома.

— Это я тоже знаю. Знаю даже то, что Сигурд, несмотря на сегодняшнюю пьянку, будет завтра способен совершать чудеса на ристалище.

— Уже завтра?

— Да, завтра он возглавит отряд противников франков в меле. И вчера он предложил нам заглянуть к аварскому великану, как окрестил тебя, с просьбой тоже поучаствовать в общем бою. И я пришел к тебе с той же просьбой от других рыцарей. Франки выставляют сильный полк. И надо подобрать в ответ сильных рыцарей. Для тебя это прекрасная возможность показать себя.

— Если рыцарей допускают в меле, то я буду участвовать, — согласился Годослав. — Но не буду пока открывать лицо.

— Это как раз то, что я хотел тебе посоветовать. И даже сказал своим товарищам по партии зачинщиков, что тебя зовут Ратибор. Славянское имя у аварца потому, что твоя мать славянка. Я знаю этого князя Ратибора, он сейчас далеко, и никто не сможет открыть твое инкогнито, кроме Сигурда. Поэтому рядом с ним ты должен быть особенно осторожен.

Годослав наклонил голову в согласии.

— Я согласен временно побыть даже аварцем Ратибором. Но, тем не менее, мне следует выбрать момент и каким-то образом познакомиться с Карлом. Хотя бы для того, чтобы к нему присмотреться. Короля не смутит, если я в нужный

момент представляюсь своим настоящим именем?

– Пока его не смущает то, что Видукинд здесь находится под именем Кнесслера. Мне кажется, что все об этом знают, может быть, даже и сам король, но молчат. Играют в свою игру и позволяют другим играть в свою. Мне вообще трудно понять франков. Да и как их понять, когда они выбрали себе такую странную религию. Религия должна приходить от родовых корней, от предков, а не с чужбины. Но... Я слышу, как поют трубы герольдов. Начинается бугурт. Там после кулачных боев и схваток на дубинках будут соревноваться стрельцы. Я хочу посмотреть на своих молодцов. Но сидеть среди чужого народа на скамьях мне не хочется. Я поеду верхом. Сегодня рыцарям разрешено занимать места в ресе, чего лучше избежать завтра и послезавтра.

– Я тоже приеду, – сказал Годослав. – Король будет там?

– Должен быть. Он учредитель турнира. И постарается понравиться простолюдинам. Думаю, для этого вообще вся кутерьма и затеяна. Я не прощаюсь. Мы еще увидимся, но я не хотел бы, чтобы Сигурд увидел нашу дружбу. Если откроется твое настоящее имя, он обязательно доложит Готфриду, что я тебя покрывал. А мне, скажу тебе откровенно, не хотелось бы портить отношения с датским королем. Я пока еще держусь против Карла только благодаря поддержке Готфрида.

И князь Бравлин заспешил к коновязи.

– Седлай и мне, – приказал Годослав Далимилу.

Такие большие праздники, как хаммабургский турнир, в саксонских землях – невидаль. И потому простой народ испытывал настоящее счастье оттого, что Карл решил позаботиться о его развлечении. Берфруа, выстроенные за ночь вокруг ристалища, были забиты народом так плотно, что опоздавшие не могли найти себе место даже в проходах. Публика собралась самая разнообразная. Седой торговец свининой, у которого неподалеку располагалась небогатая усадьба и ферма, соседствовал со старшиной швейного цеха из Хаммабурга, еврей-ростовщик уселся чуть не на колени к волосатому кузнецу. Но больше всего здесь было людей, одетых с некоторой схожестью: кожаные куртки, перетянутые широкими поясами, на поясах обязательно подвешены в горизонтальном положении⁸ деревянные ножны, из которых торчит длинная рукоятка скрамасакса или, по крайней мере, лангсакса, а в руках как неременный атрибут национальной принадлежности – фрамея. Эти представители своего народа, как определялось сразу, пришли из леса, пахли кострами и боями,

---

⁸ Вообще-то это оружие было распространено и среди других германских племен, в более ранний период даже среди франков, однако саксы утверждали, что это их национальное оружие, потому что в нем отражено имя народа, и в отличие от других германцев носили свои ножи-мечи непременно подвешенными горизонтально, хотя это было и неудобно, и вызывало смех у других германцев.

смотрели хмуро на франков, которым отвели отдельно две берфруа с лучших сторон, где солнце не светит прямо в глаза, мешая смотреть зрелище. Одна из берфруа – в два этажа – для короля и знати, вторая – состоящая из рядов наспех сколоченных скамей – для простых воинов. Правда, в первый день турнира франков посмотреть на бугурт пришло мало, тем не менее, любви им не выказывали. И свободные места на франкской берфруа оказались заняты очень быстро. Люди слегка переругивались, когда им наступали на ноги, однако, в общем, были настроены, хотя и возбужденно, но празднично, следовательно, благодушно.

Всем любопытным, естественно, мест не хватило. Даже король Карл, объявляя турнир, не предполагал, что его импульсивная задумка, вызванная возвращением графа Оливье и так удачно использованная по совету Алкуина, вызовет небывалый интерес несмотря на достаточно короткий объявленный срок подготовки. И сейчас ближайший холм, поросший редким лесом, был весь усыпан людьми, стоящими и сидящими на склонах, даже устроившимися, подобно невиданным птицам, на ветвях деревьев.

Карл, в своем стремлении достичь мира и согласия в саксонских землях, не пренебрег даже первым днем праздника, чем, конечно, заслужил среди простых людей уважение. Народ любит, когда правители не брезгают его развлечениями. Королевская ложа, завешанная коврами по случаю личного присутствия монарха, была заполнена придворными не

в меньшей степени, чем простолюдинами берфруа.

В ристалище, почти вплотную к ограждению, прямо против мест, где сидели король с двором, соревновались в умении владеть дубинкой дюжие волосатые молодцы из саксонских лесов и болот. Придворные посматривали на них с любопытством. Турнирные стражники, специально выбранные монсеньором Бернаром из числа наиболее опытных и рассудительных воинов королевской армии, внимательно смотрели за тем, чтобы хотя бы это состязание обошлось без жертв. Получившему увесистый удар по голове заглядывали в глаза, определяя, как человек соображает и может ли он продолжать схватку. По правилам, тот, кто касался земли коленом или рукой или же просто не мог уже эффективно защищаться и сам наносить удары, признавался проигравшим. Тогда стражник просто бросал между дерущимися свой герольдский жезл, украшенный праздничными лентами, и уже сам герольд, выступивший из тени ограждения, где ему было специально отведено украшенное многими гербовыми щитами место, объявлял победителя.

Дубинки у противников были разные. Одни предпочитали короткие и увесистые, с сучковатыми утяжеленными концами, похожие на боевые палицы. Другим больше нравились длинные, как посохи, палки, которыми можно было одновременно наносить и обыкновенные оглушающие удары, и колющие – весьма болезненные, когда они попадали в лицо или в ребра, хотя такие удары и не выводили соперника из

строая полностью. Перед началом схватки турнирные стражники проверяли каждую дубинку тщательно. Правила запрещали утяжелять дерево металлом или, уж тем более, вбивать в него гвозди, чтобы нанести сопернику увечье.

– Меня с раннего детства занимает один вопрос, – сказал Карл, полуобернувшись через плечо и показывая этим, что обращает свой вопрос ко всем придворным, собравшимся в его ложе. – Что представляет собой человеческая голова? Для чего она человеку дана? Только ли для того, чтобы соответствовать какому-то определенному образу?

– Мне всегда казалось, ваше величество, – ответил, тихо посмеиваясь, граф Оливье, на правах маршала турнира сидящий по правую руку от короля, – что голова дается человеку для того, чтобы думать ею. Хотя бы иногда... К сожалению, не всем удастся делать это в равной мере.

– Но тогда каждый увесистый удар дубинкой должен выбивать из нее по мысли. Сколько получишь ударов, на столько же меньше станет в голове мыслей, – рассудил король. – Мне думается, что эти бойцы, – показал он на ристалище, – необыкновенно умные люди. Они получают такое громадное количество ударов и при этом еще остаются способными к размышлению. Посмотрите на этого...

Карл показал на невысокого крепыша, раскачивающегося из стороны в сторону, не давая возможности противнику нанести прицельный удар.

– В самом начале схватки его дважды прилично огрели

прямо по лбу. А он все еще соображает, каким-то образом уворачивается от новых ударов. Он мне нравится, это точно... Ай-ай-ай...

Последнее восклицание у Карла вырвалось, когда крепыш пропустил сначала колющий удар прямо в нос, а потом и последний, завершающий, третий уже удар по лбу.

– Нет, – сам с собой согласился Карл. – Очевидно, все-таки первыми ударами у него основательно отшибли мыслительные способности. Я неверно выбрал себе предмет предпочтения.

– Я думаю, ваше величество, – тихо сказал из-за королевской спины аббат Алкуин, – что все зависит от головы. У каждого она разная, и мыслей у каждого человека разное количество. Но смею вас заверить, что я никогда не встречал человека настолько же умного, исходя из вашей теории, как монах нашего монастыря брат Феофан. Однажды, будучи еще достаточно молодым и еще не будучи монахом, он бежал по городской улице в своей родной Лютеции⁹, и не мог знать, что перпендикулярно его движению по другой улице скачет лошадь со всадником. Прямо на перекрестке Феофан столкнулся с лошадью, ударившись лбом в ее лоб. Упали и он сам, и лошадь со всадником. Лошадь погибла от такого удара, а Феофан, осознав Божий промысел, оставивший его в живых, решил стать монахом.

– А что со всадником? – спросил кто-то из заднего ряда.

---

⁹ *Лютеция* – галльское название Парижа.

– Всадник удовлетворился ссадинами и ушибами, которые получил при падении. И вынужденно забрал Феофана с собой. Этим всадником был я.

– А почему вынужденно, и куда же будущий монах так стремительно мчался? – задал вопрос заинтересовавшийся король.

– Я дам один ответ сразу на два вопроса, ваше величество. Дело вот в чем: достославный Феофан отличается тем, что может выпить больше вина, чем в него может поместиться. Я до сих пор не могу разрешить эту странную задачу, хотя пытаюсь сделать это уже в течение десяти лет. А бежал он потому, что его за это умение преследовали. То есть он в каком-то постоялом дворе выпил чуть не бочонок вина, и оказалось, что по рассеянности забыл о собственной невозможности за это вино заплатить. И тогда решил убежать. За ним погнались. А тут лошадь со всадником... И мне пришлось во спасение такого любопытного представителя рода человеческого заплатить за этот бочонок, чтобы спасти Феофана от обязательных побоев. Вот он, посмотрите, готовится принять участие в состязании.

Брат Феофан в самом деле вышел в ристалище. Большой, пузатый и внешне ужасно неуклюжий, он вызвал в рядах зрителей смех тем, что перед боем начал закатывать сначала полы своей долгополой сутаны, засовывая концы под грубую веревку, заменяющую ему пояс, поскольку пояса на такой огромный живот не делал ни один ремесленник. Потом

пытался подкрутить и широкие рукава, но на руках, к великому сожалению монаха, веревок не оказалось. Саксы, относящиеся к монахам с подозрением, хотя многие из местных жителей, стараниями Карла, уже прошли обряд крещения, искренне веселились, предвкушая показательное избивание слуги Господнего победителем предыдущего поединка. Приготовившись, брат Феофан истово перекрестился, вознес молитву и принял из рук турнирных стражников уже проверенную ими увесистую дубинку.

– Ну-ну, – засмеялся и король вместе с присутствующими. – А сколько вина вместили его живот сегодня утром?

– Я не могу этого знать, ваше величество, потому что мы расстались с братом Феофаном еще вчера вечером. Тогда он выпил у одного славянского купца месячный запас меда.

Поединок начался. Противник брата Феофана, не уступающий ему ни ростом, ни шириной плеч и отличающийся только поджарым животом, спокойно передвигался по кругу, поигрывая дубинкой и перебрасывая ее из руки в руку. Монах же, незыблемый, как центр Вселенной, стоял на месте, внимательно наблюдая за саксом. Тот вдруг стремительно прыгнул вперед и нанес удар в лоб. Другого этот увесистый удар свалил бы наземь, но брат Феофан его, кажется, даже не заметил. Тут же последовал второй и третий молниеносные удары, и только после этого монах сам сошел с места и двинулся вперед неожиданно быстро для солидной тяжести своего тела. Сакс, уверенный в беспомощности против-

ника, не успел отскочить и получил удар в ухо такой силы, что тут же свалился под ноги брату Феофану.

Берфруа сначала изумленно замолчали, хотя только что свистели и гикали, а потом загудели, как гигантский потревоженный улей. Крепость лба монаха не могла оставить людей равнодушными, хотя многие посчитали его атаку случайной и не поддерживали восторга большинства.

– Мне понравился брат Феофан, – сказал король. – Должно быть, он в самом деле чрезвычайно умен. Удар дубинки для него все равно что укус комара.

И Карл дважды махнул перчаткой. Проклятые сакские комары донимали его даже на турнире.

Тем временем в ристалище вступил следующий боец. С этим брат Феофан справился так же быстро, как с первым. За ним последовали один за другим еще четверо, все крепкие и злые. И только с последним, вертким и быстрым горожанином из Хаммабурга, монаху пришлось повозиться так, что пот катился с толстого лица водопадом. Этот соперник сумел нанести Феофану множество не слишком сильных ударов, но никак не желал получать удары сам. И кончился поединок только после того, как монах, под смех и свист с берфруа, вдоволь набегался по ристалищу за юрким горожанином и все-таки сумел огреть его по спине своей дубиной. Удар был не слишком сильным, но горожанин упал на руки. Согласно правилам, это было поражением.

Больше желающих сразиться с братом Феофаном, не чув-

ствующим удары дубинкой, не нашлось.

– По дороге сюда я видел где-то рядом воз с бочонками вина. Найдите хозяина. Я покупаю весь воз вместе с парой лошадей и преподношу его в качестве приза победителю, – сказал король герольду.

Герольд, выйдя на середину ристалища, объявил монаршую волю. Хозяин воза тут же нашелся и спустился с берфруа. Продать весь воз оптом, да еще самому королю, это ли не удача. Да после такой удачи вино продавца пойдет нарасхват, а сам он с полным основанием будет величать себя поставщиком вина к королевскому столу!

Воз въехал между раздвинутыми барьерами. Возница перedal вожжи герольду, и тот торжественно вручил их брату Феофану. Монах забрался на козлы и, сияя от счастья красным лицом, стеганул лошадей. Берфруа радостно зашумели.

– Что у нас дальше по программе? – спросил король.

– Сейчас предстоит небольшой перерыв, ваше величество, – сообщил граф Оливье. – Часа на два-три, не больше. Турнирные стражники и рабочие раздвинут берфруа и установят мишени для стрельбы из лука так, чтобы результат было видно всем, и никто не пострадал при промахе. У нас очень много желающих показать свое воинское и охотничье искусство. Больше, чем в любом другом виде состязаний.

Глава 5

Нечто непонятное начало выползать из тумана. Мучительно, с потугами и при странном отсутствии звуков. Выползало, выползало, выползало, словно цыпленок с человеческими разумом и ощущениями с мучениями выбирался из яйца смерти¹⁰ к жизненному свету.

А потом свет в самом деле блеснул. Яркий... Вспышкой... Изнутри... И с осознанием того, что глаза при этом остались все еще закрыты.

Дражко пришел в себя сразу, рывком сбросив покрывало болезненного небытия, но не решился по возвращении в мир жизни открыть глаза так же быстро, потому что даже сквозь прикрытые веки он ощущал явно солнечный свет и боялся, что свет этот после долгого пребывания во мраке небытия ослепит его. Память вернулась к нему легко, одновременно с возвращением сознания, и он вспомнил, как готовил Дворец Сокола к обороне, когда получил предательский удар кинжалом. Рана и сейчас ныла, и, как воин опытный, знающий в ранениях толк, князь-воевода и соправитель княжества бодричей предпочитал не шевелиться, понимая – каждое движение вернет боль, а она может вытеснить из тела так труд-

---

¹⁰ В понятии славян болезнь представляет собой скорлупу яйца смерти. Человек выздоравливает, если сумеет пробиться к жизни через скорлупу. Эту же скорлупу можно разбить снаружи, помогая человеку выздороветь.

но пришедшее в него сознание. Сознанию следовало сперва установиться, войти в ритм жизни.

Он прислушался. Если рядом с ним и был кто-то, то этот кто-то вел себя настолько тихо, что Дражко не ощутил чужого присутствия. Но где же он все-таки, и как обернулись события за время его беспамятства?

Герцог Гуннар перехитрил воеводу, подослав к нему убийцу. Дражко не привык думать о своей безопасности, тем более, не мог он думать о ней в княжеском дворце. Да, именно герцог Гуннар вместе с боярами... Дражко вспомнил и узнал сиплый голос. Удар кинжалом нанес один из слуг, видимо, специально для этого и посланный. Он готовился нанести его раньше. Именно для этого и приходили бояре. Именно для этого они и захотели остаться во Дворце Сокола, якобы дожидаясь приезда посольства. На самом деле это давало возможность убийце начать охоту за жертвой. И сам Дражко виноват, оставив слуг на свободе и отправив в подвал только хозяев. Следовало подумать о том, что слуги могут оказаться и скрытыми врагами, подумать сразу, как только Сфирка принес весть о дружинах, собранных боярами в своих дворах. Конечно же, это не простой слуга пытался убить князя-воеводу. У простого слуги не всегда хватит умения и воли для нанесения удара. Это боярский дружинник. Первый удар был между лопаток. Шкура рыси скрыла бахтерец, защитивший сердце. А не последуй воевода совету Власко, мизерикордия пробила бы кольчугу. После первого

удара, от которого бахтерец и спас, убийца сразу сориентировался и нанес второй как раз в нужное место, под нужным углом, чтобы узкое лезвие через плечо вошло в грудь. Это был опытный вой, знающий толк в доспехах и в ударах. Не слуга... А Дражко так легко купился на возможность своим великодушием по отношению к слугам дать возможность одуматься и тем, кто сидит в боярских дворах...

Но все же, что произошло в городе?

Герцог Гуннар захватил Дворец Сокола?

Командовать стражниками после ранения Дражко остался простой сотник. Глашатный Сташко не в счет, потому что он стар и откровенно слаб в воинских утехах. Сил у сотника достаточно, умения ему тоже не брать у ростовщика под проценты, но вот хватит ли воли сопротивляться одновременно и Гуннару, отцу Рогнельды, и боярам. Не убоился ли сотник последствий в ситуации, которую он до конца не знает?

Дражко попытался прислушаться к своим ощущениям.

Лежал он, несомненно, уже не на лестнице, где настиг его предатель-убийца, а на широкой скамье, хотя и недостаточно широкой для его мощных плеч. Кольчуги и бахтереца на себе воевода не ощутил. И не смог понять, связан он или просто перевязан после ранения.

Надо открывать глаза. Пусть он и в плену, пусть и связан, пусть и готовят его к пыткам и издевательствам... Но незнание хуже боли. Мучительнее боли. Мысли о возможных бедах всегда страшнее самих бед.

И что случилось с Рогнельдой, которую доверил заботам воеводы Годослав? Если Гуннар взял штурмом дворец до подхода подкрепления, которое вызвал из поместья Дражко, то он не пощадит дочь, отказавшуюся ему повиноваться...

Дражко открыл глаза. Резко, болезненным рывком.

И увидел, что лежит в своей спальней светлице. Солнце, близкое уже к полуденному, косо привносит в окно яркие лучи, словно обещает безопасность и спокойствие. Рядом, устроившись поудобнее в кресле, спит, свесив голову, его мать.

– Мама... – не слыша своего голоса, прошептал Дражко.

А она услышала, встрепенулась, отчего тонко звякнули застейливые биллоновые шейные гривны, оглянулась испуганно, но тут же поняла, где находится, и повернулась к сыну.

– Живой, Дражко... – выдохнула она, словно уже не надеялась услышать его голос.

И слезы выступили на глазах пожилой женщины.

– Что произошло, мама? Где Рогнельда?

– Что произошло... Долго рассказывать. Тебя предатель ударил кинжалом. А у нас тут... Но это потом, это потом... Тебе сейчас отдыхать след. Спи лучше...

– Мама, как я могу уснуть, когда от беспокойства мучаюсь больше, чем от ран. Что с Рогнельдой?

– И нечего беспокоиться. Когда у нас такая княгиня, как Рогнельда, беспокоиться нечего...

– Что же случилось, мама, расскажи, не пытай меня.

И старая княгиня, как ей ни хотелось по-своему проявить заботу о сыне, рассказала...

* * *

Дражко звали настойчиво. Кричали. Не дозволись. Начали искать, когда герцог Гуннар уже выстроил свое войнство против Дворца Сокола. И нашли на лестнице, лежащего в целой луже собственной крови.

Сотник растерялся.

– Как быть? Смеем ли мы противостоять боярам и герцогу Гуннару? – спросил он глашатного.

Тот знал, что противостоять сметь надо, но воинского духа для этого не хватило. Никогда не воевавший престарелый человек. С него спрос маленький. И потому он просто пожал плечами:

– Спрошу у Рогнельды.

Рогнельда спустилась к воям сразу же, как только до нее дошла весть о положении, в которое попали осажденные. Такая же гордая и надменная, какой казалась им всегда. И удивительно спокойная.

– Где князь-воевода? – первое, что спросила.

– В спальную горницу его отнесли.

– Кто с ним?

– Матушка и воин, который раны знает. Настоящего-то лекаря нет. За Гориславом бы и за травницей послать, да сей-

час из дворца не выйти...

– Выйдем, – спокойно ответила княгиня и посмотрела на сотника с глашатным холодным, полным презрения взглядом. – Что поделявает мой батюшка?

Ей рассказали. Не доложили, как докладывали бы Дряжко – отрывистыми фразами, а просто рассказали с подробностями, с деталями, как рассказывают женщинам.

– Чего он хочет?

– Захватить дворец.

И княгиня вдруг начала распоряжаться. Без раздумий, сразу. Четко, сухо, ясно. Она расставила стражников по местам, которые сама отвела им. Остальных спрятала в ближайших комнатах. Передала приказание стрельцам на галерею.

– Вы оба идете со мной. Открывайте дверь, – скомандовала.

Глашатный и сотник взяли в руки по факелу, чтобы сопровождать княгиню на площадь.

Они вышли из дворца, спустились по каменным ступеням. Остановились, чтобы герцог Гуннар и солдаты-даны, тоже стоящие с факелами, смогли рассмотреть идущих. Потом двинулись вперед.

Гуннар с двумя солдатами твердой, уверенной походкой победившего человека – отца и воина – пошел навстречу. Встреча произошла посреди площади.

– Здравствуй, отец, – сказала Рогнельда. – Я приглашаю тебя в свой дом.

Пламя факелов играло на ночном ветерке. Герцог пытался рассмотреть лицо дочери при этом неверном освещении. Но лицо было абсолютно бесстрастно, хотя в глаза дочь смотреть избегала. Сам большой мастер предательства, он ожидал такого же от всех, даже от родной дочери. Но отведенный взгляд только показал Гуннару, что дочь по-прежнему боится его, как боялась всегда, точно так же отводя взгляд. Как бояться его все в Дании! Сам король не решается долго смотреть ему в глаза...

– Ты сама меня приглашаешь... А где же славный князь-воевода Дражко? Он не рискнул предстать передо мной?

– Дражко убит. Его нашел кинжал предателя, – на глазах Рогнельды выступили настоящие слезы, и сказанное показалось правдой.

– Убит? Вот как?

«Датский коршун» внезапно улыбнулся. В действительности, он просто страшно оскалился, но ему показалось, что это улыбка.

– Мне говорил один из бояр, что послал верного человека. Это не я послал. Запомни. Кровь воеводы на ваших неверных боярах.

Герцог несколько раз то ли кашлянул, то ли каркнул. Это он изобразил смех.

– Пойдем, отец, – позвала Рогнельда чуть не со стоном. – Мне больно стоять. Твой внук у меня под сердцем волнуется и бьет ногами. Пойдем, отец...

Последний довод подействовал на Гуннара. Великий Один не дал ему сыновей и внуков. И вот ожидается первый. Которого он желает видеть наследником и продолжателем своего дела.

— Пойдем, Рогнельда... — В голосе даже непривычная нежность появилась.

Они двинулись вслед за сотником и глашатным, освещающими дорогу факелами. Полусотня данов, не долго сомневаясь, без команды двинулась им вслед, отставая шагов на сто и оставив на месте боярские дружины.

Двери Дворца Сокола были по-прежнему гостеприимно распахнутыми. Так показалось Гуннару. И ему пришлось оценить это гостеприимство сразу же, как только он ступил за порог. За широкими и тяжелыми дверными створками спряталось по два стражника. Едва Гуннар перешагнул критическую черту, недавно прочерченную по воздуху рукой Рогнельды, как створки с шумом захлопнулись. Герцог обернулся на скрип дверных петель, и тут же четыре копыта вонзились в него, пробивая кольца кольчуги. Два дана, что сопровождали Гуннара, отскочили к стене, пытаясь выхватить мечи, но и их другие стражники тут же пригвоздили к деревянной обшивке.

С площади слышался шум. Сотник выглянул в окно. Стрельцы с галереи за секунды расстреляли опустивших щиты данов. Следующие стрелы достались боярским дружинам, которые, сообразив, что остались без предводителей,

отходили в улицы, прикрываясь щитами. А еще через минуту боярские дружины хлынули назад. И с улиц на них шла атака. Подоспели дружинники, вызванные Дражко из усадьбы.

– На площадь! – скомандовал сотник стражникам. – В копья!

Стражники бежали к выходу, словно река остров, огибая своим течением Рогнельду. Она стояла на коленях перед отцом, бессильно раскинувшим руки, и шептала:

– Прости меня, отец... Мне пришлось выбирать между тобой и мужем... Прости меня, отец...

Кто-то второпях наступил на руку герцога. Тело убитого качнулось. Это заставило Рогнельду испуганно вздрогнуть и взяться за эту руку. Пульс на запястье не бился.

Она так и стояла, когда избиение боярской дружины закончилось. И простояла бы еще долго, если бы не спустилась сверху княгиня-мать, не обняла ее за плечи и не увела.

– Пойдем, пойдем, дочка...

– А отец?

– О нем позаботятся.

* * *

Дражко выслушал рассказ матери, не прерывая. Спросил, когда старая княгиня замолчала:

– К Годославу нарочного отправили?

– Сфирка, с разрешения княгини, тотчас, как весь этот ужас закончился, человека отрядил. Самой-то Рогнельдушке не до того было...

– Где она сейчас?

– Она плохо себя чувствует. Ребенок бьется наружу, волнуется... К ней позвали старух, напоили княгинюшку отварами. Сейчас должна уснуть.

Но княгиня, оказывается, не уснула. По скрипу двери и по повороту головы матери Дражко понял, что в комнату кто-то вошел. Сам он подняться не мог, и повернуть голову не мог, потому ждал, что пришедший сам заявит о себе.

– Как он? – раздался голос Рогнельды.

– О тебе, княгинюшка, спрашивает.

– Подойди... Я тебя не вижу, – сказал Дражко.

Рогнельда подошла. Глаза князя-воеводы и так видели плохо.

– Наклонись.

Она слегка наклонилась и положила руку ему на перевязанную грудь.

– Ты, Дражко, будешь жить долго.

Рогнельда, обычно белокожая, но с румяными щеками, сейчас была очень бледна.

– Я буду жить... И ты будешь жить... И Годослав будет... И твой сын будет... Ты вела себя хорошо... Так, как должна вести себя жена Годослава... Муж будет тобой гордиться, будет детям рассказывать о твоём подвиге. Если бы не твоя

воистину... не женская воля, всем бы нам сейчас качаться на виселице, и здоровым, и раненым, – такая длинная фраза стоила Дражко потери сил. Он даже глаза в изнеможении закрыл.

Рогнельда помолчала с минуту. И сказала, обращаясь даже не к князю-воеводе, а, скорее, к себе, сказала тихо, внутренне чувствуя произносимые слова:

– Когда мой сын вырастет и спросит меня про деда, я расскажу ему, что именно он заманил герцога Гуннара в ловушку, где того ждала смерть. Он и его мать. И за это оба мы будем прокляты богами до дня Страшного суда, когда Хель¹¹ призовет нас к ответу.

Княгиня не плакала, не стонала, не показывала никому своих чувств, хотя чувства эти, должно быть, клокотали в ее душе. Внешне она выглядела все такой же невозмутимо-холодной. Но теперь Дражко, снова открыв глаза, видел, даже сам еле живой, что она очень сильная.

– Ты спасла княжество и мужа, – он чуть не добавил «и меня», но вовремя сдержался. – Иначе его обязательно убили бы.

– У меня не было выбора. Или отец, или муж... Я знаю. Я должна была расплачиваться за грехи своего отца. Я расплатилась. А мой сын будет расплачиваться за мои грехи. Это мучает меня. Он ведь еще не родился и не знает, какая

---

¹¹ *Хель* – в скандинавской мифологии, богиня подземного царства, правила мертвыми до дня Страшного суда.

страшная судьба его ждет. Его и всех моих детей...

– Судьбу не знает никто.

Рогнельда чуть замялась перед ответом, но все же сказала:

– Власко знает.

Дражко напрягся до боли. Вспомнилось, что говорил ему Власко о последнем дне княгини.

– Ты разговаривала с Власко?

– Да, я призывала его и спрашивала. Он опять смотрел в воду, а потом сказал мне, что ждет меня и моего сына.

Князь-воевода задергал усами. Ему в самом деле было больно.

– Ты не спрашивала у мальчика, как можно избежать участи.

– Избежать участи? Это, Дражко, невозможно. Судьба расписана на небесах. Да и зачем ее избегать... Ее избегать не надо...

Дражко хотел помотать головой, но от боли, подступившей опять, только его усы взлетели кончиками к самым бровям. И большого труда ему стоило не застонать.

– Это неправда. Если бы судьбу нельзя было изменить, то Власко не посоветовал бы мне сменить кольчугу на бахтерец... Это изменило мою судьбу, спасло меня от первого смертельного удара, который пришелся между лопаток.

– Я не хочу, чтобы моя судьба изменилась, – после паузы сказала Рогнельда так тихо, что Дражко едва слышал. – Все должны понести плату за совершенное. Моя плата – смерть

отца. Мой сын понесет плату за меня.

– Значит, проклятье ляжет на весь род Годослава? – спросил князь-воевода, надеясь хотя бы таким образом направить ход ее дум на заботу о муже и отвлечь Рогнельду от дурных, беспокоящих мыслей.

– На всех потомков, рожденных мной, – она ответила очень твердо, словно сообщила о давно и твердо решенном. – Поэтому князь должен взять себе вторую жену. Я сама скажу ему об этом.

– Ты торопишься... – предупредил Дражко.

В это время опять заскрипела дверь. Вошел еще кто-то.

– Выздоровливай, князь... – Рогнельда резко повернулась и заспешила к выходу.

– Кто пришел? – спросил князь-воевода.

– Я это, княже... – тихо сказал Сфирка.

– Что ты покою ему не дашь, что покою не дашь болящему, – напустилась было на Сфирку княгиня-мать.

– Подойди, – подозвал Дражко, не обращая внимания на слова матери и тем самым останавливая ее.

Сфирка, на всякий случай в обход старой княгини, бочком, тихонько, скосив глаза, сдвинулся в сторону скамьи. Встал так, чтобы воеводе было его видно. Виноватый вид разведчика добрых слов не предвещал.

– Что скажешь?

– Плохие вести, княже. Очень ты нужен всем нам. Не время тебе валяться по скамьям...

– Еще чего, еще чего... – княгиня-мать чуть не с кулаками подступила к разведчику, и он, мужчина, вынужден был отступить на два шага к стене. Он и дальше отступил бы, но стена помешала.

– Поправляйся быстрее, – все же закончил Сфирка.

– Рассказывай.

– Прискакал гонец от Полкана. Даны почти готовы... Вот-вот выступят.

Глава 6

К тому времени, когда закончились приготовления к состязанию стрелков из лука, погода разгулялась, солнце над ристалищем стало жарким, но поднялся легкий свежий встречный ветерок, который только добавил интригу в предстоящее событие. Не каждый из стрелков умеет одинаково хорошо учитывать скорость встречного ветра. Даже боковой бывает рассчитать легче, давая запас влево или вправо. Боковой ветер не трудно определить по наклону ветки ближайшего дерева, чего невозможно сделать при ветре встречном. А здесь следовало еще правильно подобрать оперение для стрелы, чтобы она не уходила выше мишени и не зарывалась наконечником в землю. Более того, самые опытные знали, что каждая неровность поляны, небольшой подъем или впадина, сыграют свою роль, повернув встречный ветер в сторону земли или подбросив поток вверх. И все это следовало предвидеть.

Пять мишеней выставили в дальнем углу ристалища, а стрелок должен был стоять в углу противоположном. Таким образом, выбиралось наибольшее возможное расстояние для прицельной стрельбы. На всякий случай, рабочие раздвинули берфруа так, чтобы и мишени можно было перенести дальше, и сами зрители таким образом не угодили в зону возможного попадания стрелы.

– Где-то здесь должен быть славянин из бодричей, не знающий франкского языка, которому я обещал желать успеха, – вспомнил король.

– Славяне стоят отдельно, ваше величество, – маршальским жезлом показал граф Оливье на группу из девяти воинов. – Мне уже все рассказал герольд. Они презируют стрельбу по таким мишеням, с которой начинают наши лучники и саксы. И сами вступят в дело только тогда, когда наши закончат и выявят победителей. Славянская мишень ставится дальше шагов на пятьдесят-семьдесят. Только самые лучшие из наших и из саксов будут соревноваться вместе со славянами.

– Да, славяне лучшие стрелки из всех, кого мне доводилось видеть. Говорят, они получили свое умение от скифов. Алкуин, а не могут наши оружейники делать такие же луки, как у славян? – спросил Карл.

– Если их хорошенько подучить, ваше величество, они постараются. Хотя для большой армии эти луки и дороговаты. Беда в другом...

– В чем беда?

– В том, где взять таких лучников или, как они их называют сами, стрельцов.

– А разве наши, имея подобные луки, так не сумеют?

Алкуин отрицательно замотал головой.

– Славяне обучают стрельцов с детства, ваше величество. Мне доводилось наблюдать у вагров мальчиков, которых за-

ставляют целый день стоять с камнем в вытянутой левой руке, а правой рукой, с камнем потяжелее, водить вперед и назад, словно они натягивают тетиву. Вы обратите внимание на внешний вид их стрельцов. Как правило, это самые сильные мужчины. Им не обязательно иметь широкие плечи, но руки у них такие мощные, что по толщине могут сравниться с ногой иного человека. Сила в этих руках чрезвычайная.

– Разве ваше величество не помнит, – спросил Оливье, – как-то в испанском походе мы захватили целый воз арабских луков... Они и формой, и размерами напоминают славянские, только чуть-чуть послабее в натяжении. И вооружили ими своих стрелков. Сначала это вызвало радость, но в бою оказалось, что нашим просто не хватает сил.

– Для стрельбы из таких луков нужна специальная подготовка¹², – добавил Алкуин. – Создание системы обучения

---

¹² Славянский лук, как говорят результаты реконструкции остатков этого оружия, часто попадающегося археологам, требовал больших физических затрат и очень сильных рук. Сила натяжения тетивы боевого лука была 80–90 кг (для сравнения – сила натяжения тетивы современного спортивного лука равняется 20 кг). Чтобы отстрелять большой осадный тул, стрелцу следовало раз за разом натягивать тетиву до 200 раз, то есть за короткий промежуток времени поднять и переместить одной рукой 18 тонн. Это почти то же самое, что разгрузить одной рукой современный большой грузовик. Арабский лук схож со славянским и тоже превосходил европейские и скандинавские луки, но не имел костяного усиления в средней части. При той силе, с которой посылалась стрела славянским или арабским луком, не было доспеха и уж тем более щита, который мог бы остаться не пробитым при прямом попадании. Европейские же луки пробивали далеко не каждый доспех. Что касается дальности полета стрелы, то, например, английские лучники не могли соревноваться с арбалетчиками, а славянский лук значитель-

стрельцов могло бы занять много лет, и при своей жизни мы не смогли бы еще, пожалуй, увидеть результатов.

– А славяне?..

– У них, ваше величество, эта система работает веками, – сказал Алкуин. – Она создана давным-давно, никто и не припомнит когда. Я специально интересовался этим вопросом, предвидя ваш интерес.

Тем временем состязание стрелков было уже в полном разгаре.

Сначала каждому участнику давалось по три попытки. Все три стрелы должны были попасть в красную мишень, нарисованную на большом деревянном щите. И уже после первого упражнения более половины стрелявших заняли места на берфруа. У кого одна, у кого и две стрелы вышли за круг. Два десятка оставшихся стрелков повторили упражнение. Новый отсев отправил на берфруа еще треть. И так до тех пор, пока не осталось шестеро, у которых все стрелы дважды попали точно – три франка из королевской армии и три сакса из окрестных лесов. Только тогда герольд пригласил на стрельбище славян, которые молча и слегка снисходительно посматривали на соперников.

Мишень передвинули шагов на тридцать.

– Это слишком далеко, – в один голос стали утверждать

но превосходил арбалет по дальности выстрела. И, уж конечно, вызывают смех современные картины и кинофильмы, в которых луками вооружают женщин как слабый пол. Стрельба из боевого лука вовсе не для женских рук и даже не для рук каждого мужчины.

франки.

Саксы молчали, смотрели угрюмо не столько на славян, сколько на франков и стискивали зубы. Они, как ближайшие соседи, знали, что для славян это только начальная дистанция. Знали, что их луки, как, впрочем, и луки франков, только-только позволяют выстрелить на такую дистанцию прицельно. Еще хотя бы десяток шагов, и можно было бы уходить с ристалища без всякой надежды выглядеть достойно. Но с франками им потягаться хотелось.

– Я хочу подойти ближе, – внезапно сказал Карл. – Мне интересно посмотреть на вагров и бодричей.

– Там восемь вагров, ваше величество, подданных князя Бравлина Второго, и только один ободрит, – уточнил граф Оливье. – Тот самый, который не знает франкского языка.

– Возьмите с собой приз. Я лично вручу его победителю.

Алкуин достал из ларца большой рог, изящно отделанный чеканным серебром и наполненный золотыми монетами. Часть монет ссыпалась в ларец, и аббат аккуратно вернул их в рог, закрыв сверху небольшим покрывалом из тяжелой серебристой парчи.

– Я беру с собой только Алкуина и Оливье, – сказал король придворным, поднявшимся, чтобы сопровождать монарха. – Алкуин знает славянские языки, а Оливье, как маршал турнира, знает распорядок. Остальные пусть смотрят отсюда и не закрывают действо простым зрителям.

Король спустился из ложи и скоро оказался около стрел-

ков. Славяне тянули жребий, кому за кем стрелять. Но первыми все же предстояло выполнить упражнение франкам и саксам, как наименее способным на победу.

Пятеро из оставшихся вышли к рубежу, обозначенному положенным на землю копьем. Карл встал рядом со своими солдатами и присмотрелся к мишени. Ему она показалась едва видимой, и король удивился, как можно с такого расстояния попасть в круг размером в две сложенные вместе ладони. И это удивление заставило его посмотреть на своих воинов с уважением. Они готовились долго, поднимали и опять опускали луки, прислушивались к ветру, настраивались. При стрельбе с более короткой дистанции такой тщательной подготовки Карл не заметил.

Наконец стрелы просвистели одна за другой. Последовала новая пауза, вызванная подготовкой. И опять стрелы умчались в сторону мишеней. Наконец, последний выстрел. После этого герольд при мишенях вышел из укрытия проверить результат стрельбы и отмахой жезлом показывал результат каждого участника. Только трое франков сумели попасть в мишень дважды. У двух саксов оказалось по одному попаданию.

– Я никогда не думал, ваше величество, что смогу попасть даже один раз, – грустно сказал седобородый франк, проходя мимо короля. – А я всегда считался в нашей армии одним из лучших стрелков. Впрочем, все лучшие здесь и собрались, ваше величество. И мы просим вас простить нас, что не мо-

жем сравниться в умении с этими людьми.

— А я никогда не думал, что в моей армии есть такие меткие стрелки. Я поздравляю вас с успешным выступлением, господа.

Карл достал из кармана горсть золотых монет, специально припасенную для этого, и высыпал ее в широкую ладонь седобородого.

— Это вам и вашим товарищам...

Стрелки поклонились.

Итак, все они выбыли из борьбы за приз. Теперь в дело вступили четверо вагров и последний из саксов. Но пока сакс готовился к первому выстрелу, славяне просто, почти не целясь, выпустили по три стрелы и отошли в сторону. Пришлось дожидаться сакса. Но когда герольд при мишенях дал отмашки по каждой мишени, оказалось, что сакс не уступил славянам и остался в числе соискателей приза.

Оставшиеся вагры и бодрич отстреляли так же быстро, как первые. Мишень передвинули еще на двадцать шагов. Славяне переговаривались между собой, ничуть не смущаясь дистанцией, а сакс хмурился и качал в раздумье головой. А когда герольд при мишенях дал отмашку о готовности, сакс махнул рукой и, не говоря ни слова, ушел на берффуа к товарищам.

— Он правильно сделал, — сказал Алкуин. — Его стрелы слишком коротки для такой стрельбы.

— А я уже приготовил горсть монет ему в подарок, — Карл

поморщился. – Но подарка достоин только тот, кто борется до конца. Пусть даже без надежды на победу, но борется и старается победить хотя бы самого себя.

Король досадливо отвернулся, и взгляд его упал в ресе, где несколько рыцарей и оруженосцев верхом наблюдали за состязанием.

– Оливье, Оливье... – растерянным полусшепотом позвал Карл графа и даже слегка пошатнулся, словно у него закружилась голова.

– Я здесь, ваше величество, что случилось? – Оливье сразу заметил, как король побледнел.

– Оливье, у тебя молодые глаза. Посмотри, что за рыцари наблюдают за стрельбой из ресе.

Оливье повернулся и приложил ко лбу ладонь, выставив ее наподобие козырька, чтобы солнце не мешало ему как следует рассмотреть рыцарей.

– Я вижу, ваше величество, князя Бравлина. Это естественно, он пришел посмотреть на своих стрельцов. Следом за ним, вы и сами узнали, наверное, по черным доспехам и одеждам, мой друг Салах ад-Харум, для которого подобные массовые зрелища в диковинку. Кроме того, в его родной стране стрельба из лука считается почетным занятием, и все цари прекрасно владеют этим оружием. Наверное, Салаху любопытно посмотреть на стрельбу славян. Чуть в стороне от них сакские рыцари, которых я видел вчера.

– Дальше, дальше, кто там дальше... – опять шепотом по-

торопил Карл.

– Я смотрю, ваше величество... – Голос Оливье сел и заметно задрожал.

– Кто это?

– Ах! – вдруг успокоился граф. – Должно быть, это про него говорил вчера Сигурд, а сегодня утром к этому рыцарю должен был поехать Бравлин, чтобы попросить его участвовать в завтрашнем меле. Это какой-то аварец... Кажется, да-да, его зовут князь Ратибор. У рыцаря славянское имя потому, что он по матери славянин. Сигурд так и сказал: «аварский великан»...

– Ты уверен? Оливье, дорогой мой, посмотри как следует...

– Я вижу, ваше величество, и понимаю, что привело вас в замешательство. Да, я тоже сначала вздрогнул. Этот рыцарь фигурой сильно напоминает вашего племянника. И рост тот же, и посадка в седле схожая.

– Я попрошу тебя, граф, сходи, посмотри сам... У меня сердце колотится, как у птицы. Посмотри, прошу тебя...

– Да, я сейчас...

Оливье и сам сомневался и волновался. И потому торопливо пошел вдоль барьера к ресе. Тем временем король повернулся к Алкуину:

– Аббат, ты не помнишь вчерашнее письмо соглядатая из Тоскании?

– Относительно переговоров герцога Дезирея с Аварским

каганатом?

– Да.

– Я просмотрел его только мельком, ваше величество, и еще не приступал к работе над ним. Там говорится, что герцог Дезирей пригласил к себе послов каганата, с тем чтобы выработать подробный план действий против вас. Что вас еще интересует?

– У тебя же, друг мой, прекрасная память...

– Я, ваше величество, не имею оснований на нее жаловаться, – поклонился Алкуин.

– Так вот, кто ведет переговоры с аварской стороны?

– Сейчас вспомню, ваше величество... Сейчас вспомню...

Да, некий аварский князь по имени Ратибор.

– Правильно. Мне тоже казалось, что именно Ратибор. Ты слышал про такого князя?

– На него, ваше величество, если вы помните, в свое время жаловались еще греческие послы. Ратибор считается специалистом по быстрым рейдам во внутренние греческие провинции. Скажем так, это Сигурд аварского покроя. Сухопутный пират, специализирующийся на греческих провинциях. Грабит, но не желает давать сражения...

– Да-да, точно, – нахмурился король. – И где Ратибор сейчас должен, по-твоему, находиться?

– В Тоскании, больше ему пока находиться негде. Переговоры не закончились. Письмо пришло только вчера. Наша почта работает исправно, и гонцы не теряют время. Только

в Тоскании, ваше величество, и пробудет там еще долго.

Карл загадочно улыбнулся.

– Я рад, что ты в этом так уверен.

– А в чем дело, ваше величество?

– Нет-нет, просто ты доставил моему сердцу несколько приятных минут. А может быть, и нечто большее... Давай смотреть за стрельцами. А то мы пришли сюда ради этого, а сами отвернулись. Кто из них еще выбыл?

– Осталось четверо, ваше величество. Три вагра и бодрич, который, должно быть, невероятно счастлив от вашего внимания. Он постоянно косится в нашу сторону. Как бы не спутал нас с мишенью.

– Нет. У него не злое лицо. И стрелок он отменный. Я буду рад, если он окажется победителем, пусть даже он и не говорит по-франкски.

Король разговаривал с Алкуином, а сам то и дело бросал косые взгляды в сторону ресе.

Вот граф Оливье подошел к Бравлину, поздоровался за руку и похлопал по холке гнедого коня князя. Разговаривают. Долго разговаривают. Оба оборачиваются в сторону рыцаря, назвавшегося Ратибором. Ясно, что говорят о нем. Что-то спрашивает у них сарацин. Тоже смотрит в сторону Ратибора. Вот подъехал к ресе Аббио. Сам весь в черном и на вороном коне, под стать Салаху ад-Харуму. И знаменитый хвост выходит из вершины шлема и падает эделингу на левое плечо. Аббио спрашивает про стрелков и показывает в

сторону короля. Досадливо махнул рукой. Должно быть, ему сказали, что все саксы уже выбыли из борьбы за приз. Приехали Кнесслер и барон Борк. Рыцарей больше интересует состязание стрелков, чем незнакомый рыцарь. Оливье решается и подходит прямо к тому, кого называли Ратибором. Рыцарь больше кивает, а говорит сам граф. Граф возвращается. Так же неторопливо, вдоль барьера, словно и не понимает, что король сгорает от нетерпения.

А у стрелков тем временем настали самые горячие времена. Мишень передвинули еще на пять шагов. Дождаясь Оливье, король вышел на боевой рубеж, попытался рассмотреть мишень с места стрельбы. И очень удивился, что по такой цели вообще можно стрелять. Маленькая красная точка вдали. И даже, показалось королю, мерцает. Нет. Попасть в нее – это невообразимо.

Претендентов на приз осталось двое – сухощавый вагр неопределенного возраста с очень мощными, как и говорил Алкуин, и жилистыми руками, сравнить которые можно разве что с ногами обыкновенного человека, и бодрич. Теперь уже, убедившись в их мастерстве, герольд при мишенях не прятался в укрытие, а стоял только в трех шагах, давая отмашку жезлом об удачных выстрелах. Уступать не хотел никто. Теперь стреляли сосредоточенно, выверяя каждое движение руки и дуновение ветра. И каждая стрела попадала в цель.

– Алкуин, что у них за дощечки на левой руке? – спросил

король.

– Это, ваше величество, костяной защитный щиток. Без такого щитка стрельцы рискуют остаться однорукими – слишком сильно бьет тетива.

– А почему наши не носят таких дощечек?

– Носят, ваше величество. Только не все, а особые неженки. Остальные обходятся толстой войлочной рукавицей.

– Значит, ты славян относишь к неженкам?

– Не в этом дело, ваше величество. Наш лук не может так сильно бить тетивой. Для этого он должен быть вполосину сильнее, чем сейчас.

– Одно утешение – в королевстве не будет одноруких... – сердито сказал Карл.

Подошел Оливье.

– Что? – коротко спросил король.

– Я хотел бы, чтобы это было так, ваше величество. Но я в сомнениях.

– Чем твое сомнение вызвано?

– Ратибор не снимает шлем с полумаской, а сразу от полумаски у него начинается бармица. Никто не видел его лица. Разговаривает он с сильным акцентом, словно очень плохо знает франкский язык. Из-за этого невозможно разобрать голос. Я спросил Ратибора...

– Это не Ратибор.

– Что, ваше величество?

– Это не Ратибор. Я вчера получил письмо из Тоскании от

тамошнего соглядатая. Князь Ратибор представляет своего кагана на переговорах с герцогом Тосканским Дезиреем.

– Тогда кто же этот рыцарь?

– Я хотел у тебя спросить...

– Я в растерянности, ваше величество. Отдаленное сходство с Хроутландом есть, это несомненно, но я не решусь утверждать... Кроме того, семь лет может так много изменить в облике любого человека. И даже в голосе.

– Ладно. Посмотрим. Хроутланда лучше всего видно в бою. Завтра будет меле...

– Этот рыцарь будет в нем участвовать, ваше величество, на стороне саксов под командованием герцога Трафальбраса.

– Вот и посмотрим...

– Ваше величество, – обратился к королю герольд. – Эти два стрельца уже израсходовали почти все стрелы, и ни один из них не промахивается. Мишень отнесена на предельное расстояние. Дальше нельзя. Мы не можем определить победителя.

– И что? – спросил Карл.

– Я предлагаю разделить приз между ними и объявить победителями обоих.

– Делиться, ну уж – нет! – воскликнул бодрич, которому уже было известно предложение герольда. – Победитель должен быть один!

Алкуин перевел это восклицание королю.

В это время зашумели и бешено захохотали берфруа. Карл вместе со всеми обернулся.

– Боже мой... – ужаснулся Алкуин. – Это же брат Феофан.

– Очевидно, до него только сейчас дошли удары дубинок, – сказал король. – Иначе отчего бы он так сильно шатался. Посмотрите, у вашего брата Феофана даже ноги не сгибаются.

Брат Феофан шествовал животом вперед, одна пола сутаны так и осталась заправленной за веревку, как была утром, во время поединков на дубинках. Сандалию с правой ноги монах где-то потерял, и сейчас правая нога была босая. Он появился прямо из-за мишени и шел к группе стрельцов, даже не видя, что среди них находится и сам король. Все молчали и ждали продолжения. Даже турнирные стражники не решились вытолкать монаха хотя бы в ресе.

Брат Феофан под хохот и улюлюканье берфруа уже преодолел с великим трудом треть дистанции, когда стрелец-бодрич вдруг выступил на боевой рубеж.

– А вот так кто-нибудь из вас сможет? – воскликнул он, покопался в своем туле и достал новую стрелу, выбрав ее по непонятному другим принципу.

Алкуин опять перевел слова бодрича Карлу.

– Что он хочет делать? – поинтересовался король.

– Я думаю, он застрелит брата Феофана.

– Я его тогда на тетиве повешу!

Бодрич натянул лук, но целился он, как все видели, вовсе

не в монаха, закрывающего собой мишень, а куда-то чуть ли не в берфруа.

— Что он делает? — опять воскликнул Карл. Он увидел, как заметались люди на скамьях, не зная, кого из них стрелец выбрал. — Он сошел с ума. Остановите его!

Герольд бросился к Барабашу, но было уже поздно. Стрела сорвалась с тетивы.

Все берфруа молчали.

— Он попал... — тихо сказал Алкуин. — Посмотрите на герольда при мишени. Бодрич попал в цель. Его стрела летела по дуге...

Только сейчас все увидели, что герольд при мишени дает отмашку жезлом, означающую, что стрела в самом деле угодила в цель.

— Сможешь так выстрелить? — возбужденно спросил Барабаш у недавнего соперника.

— Нет... — тот отрицательно качал головой. — Я слышал про такую стрельбу, но сам так не умею.

Алкуин перевел.

Карл стоял в растерянности.

— Но такого же не бывает! — сказал он.

Алкуин перевел его слова бодричу. Тот поковырялся в туле, достал новую стрелу, вернулся на рубеж и снова при полной тишине выстрелил. Герольд при мишенях дал отмашку жезлом.

— Бывает? — спросил Барабаш у короля. — Бывает... — сам

же за короля ответил.

Карл молча выгреб все золото, что было у него в карманах, и пересыпал в ладони стрельцу. Потом принял из рук Алкуина рог, наполненный такими же монетами, и вручил Барабашу.

– Такого я никогда не видел! – сказал он и пошел к своей ложе прямо через ристалище.

Алкуин задержался и по-славянски спросил у стрельца:

– Может быть, ты расскажешь мне, в чем секрет?

– Какой уж тут секрет... – пожал плечами смущенный Барабаш, ссыпаящий монеты себе в шапку. Он никогда раньше не держал в руках такого богатства, и сейчас бедному стрельцу трудно было оторвать от монет взгляд. – Просто в моей стреле все перья были из правого крыла...¹³

---

¹³ Описан известный среди славян способ стрельбы специальными стрелами. Обычно для стрелы, чтобы она летела прямо, берутся перья из разных крыльев птицы, потому что перья разных крыльев имеют наклон в разные стороны. Если использовать перья с одного крыла, то есть с одинаковым наклоном, то стрела летит по дуге.

Глава 7

По дороге в Хаммабург Лют с десятком разведчиков решил попутно заехать на известный ему пост, где Скурлата перекрывал пути к западной границе, чтобы предупредить о происходящих в столице событиях.

Гонца от датского посольства в сторону Хаммабурга на посту не видели.

– Должен был быть гонец. Обязательно должен. Для них это очень важно, – расстроенный Лют настаивал так, словно это его жизнь зависела от поимки посла. Впрочем, для каждого из разведчиков жизнь князя равнялась собственной жизни, и не только потому, что все они очень любили Годослава, но еще и потому, что в случае прихода к власти в княжестве данов все те, кто верой и правдой отстаивал интересы своего правителя, стали бы изгоями.

– Нам он не попался. А что ты хочешь, я же не сокол, чтобы сверху смотреть... Ставр почти всех людей забрал. У нас в границе дыра на дыре, – оправдывался Скурлата. – Скачи поскорее дальше. Предупреди Ставра или даже самого князя. Пусть хоть из дружины заставы выставят... Меня воеводы не послушают...

Здесь, на западной границе, стояла, разбросанная по большому участку, основная княжеская дружина в шестнадцать тысяч копий и пять тысяч стрельцов. Ждала переправы

франков, но где будет сама переправа осуществляться, никто не знал, и потому перекрывать требовалось все возможные участки, и дружину растянув точно так же, как были растянуты посты разведчиков. Но воеводы держали между собой постоянную связь, чтобы иметь возможность быстро сконцентрировать силы там, где объявится враг. Благо, протяженность границы княжества не настолько велика, чтобы лишить их этой возможности. Облитые смолой поленья держались на вышках, рядом с постоянно зажженным факелом дежурил воин, чтобы по команде поджечь сигнальный костер, предупреждающий о беде. А пары наблюдателей, ждущие этого костра, глаз не смыкали, сменяя одна другую, чтобы не устали от ожидания глаза и не был пропущен сигнал. Стрельцы в каждой дружине были посажены на коней, чтобы в нужный момент сконцентрироваться и массированным обстрелом помешать переправе. Все это было продумано и подготовлено князем-воеводой, хотя сам Дражко хорошо знал – остановить переправу такой большой армии он со своими силами не в состоянии.

– Отправь к воеводам гонца. Пусть поспрашивает. Был ли дан? А ты собирай людей, сколько сможешь, и даже больше... Сейчас все понадобится смогут... – Лют рассказал, что устроили в Рароге даны и бояре. – Меня Сфирка спешно отправил. Не знаю даже, чем там кончилось... Но Дражко приказал готовиться к большим событиям. Велел беречь Годослава и никого к нему не подпускать. Данов и бояр, ес-

ли они с данами, бить нещадно и без разбора. А если и без данов будут, потеря не велика...

— А воеводы кто? — спросил в ответ Скурлата, словно Лют сам этого не знал. — Все, как один, сыны боярские... Поднимут они на отцов оружие?..

Лют пожал плечами:

— Все же предупреди об измене...

И погнал коня. Другие разведчики, отправленные с пращником, не отставали от него. Впрочем, дорога впереди осталась не длинная. Переправу уже было видно. На той стороне — Хаммабург.

В Хаммабурге, выведя коня на доски причала, Лют удивленно осмотрелся. А проехав вместе со своим маленьким отрядом в улицы, удивился еще больше. Он бывал здесь несколько раз, думал, что хорошо знает город, но сейчас с трудом, предварительно проплутав, нашел дом купца-ремесленника Олексы. Так изменился малолюдный прежде, захудалый городишко всего за несколько дней. Не слезая с коня, чтобы не терять драгоценное время, молодой разведчик стукнул ногой в дверь и грозно потребовал у отрока, приказчика лавки, что вышел на стук, хозяина на улицу. Олекса вышел. Выслушал молодого разведчика и развел руками.

— Утром Ставр пришел с приклеенной бородой, переоделся, забрал Барабаша и ушел. Я его больше не видел. Да, небось, в ристалище он. Там сегодня стрельцы соревнуются. Барабаш приз выиграть хочет. Ему франкский Карл са-

молично гору золота обещал. А что, он и выиграет...

– А ты что не пошел?

– После состязаний праздник в городе. Мое дело торговое. Готовиться след...

– Моих людей пристрой где-нибудь, – попросил Лют.

– Что им в доме делать. Да и негде... Пусть отправляются в берестяной сарай. Там все наши собираются.

– Вот и отправь! Объясни дорогу...

– А ты?..

– А я – искать Ставра или прямо к князю...

Лют стеганул коня нагайкой и погнал за город. Однако, кажется, было уже поздно – оживленные, возбужденные люди покинули берфруа, восторженно что-то обсуждая, размахивая руками и рассказывая друг другу то, что каждый и сам видел. Первый день турнира завершился, и все спешили в Хаммабург, чтобы продолжить веселье там. Прямо на кривые улицы из хозяйских дворов и построек, найдя место у стены каждого трактирчика или лавки, таровитые людишки еще утром выкатили бочки с пивом, вином и медом в предвкушении большого торгового дня и соответствующей такому дню наживы. Когда у людей праздник, они на зелье последние гроши потратят, забыв про голодных детей, оставшихся дома. Акробаты и жонглеры на городской площади спешно растягивали свои сцены-шатры и расстилали ковры для выступлений. Вымеряли шесты и протягивали между домами канаты ловкачи-канатоходцы. Пристроившись на сту-

пенях чужого дома, настраивали струны на лютнях и виолах голиарды. Дудели сразу в несколько дудочек и кувыркались одновременно, не смущаясь жесткостью дороги, развеселые скоморохи. Всем хотелось и пожить, и повеселиться, потому что такого большого праздника местные саксы и приезжие славяне в своей жизни не видели.

Скакать против толпы, идущей по дороге сильной, с безостановочным течением рекой, Лют возможности и даже смысла не увидел. Он вообще уже не увидел смысла в том, чтобы добираться до ристалища, а просто съехал с дороги и стал, не слезая с коня, рассматривать толпу. Ставра при его росте легко увидеть издалека. Но Ставр не показывался. Время терялось катастрофически. Разведчик, путая сакские, франкские и славянские слова, поинтересовался у верхом едущего рядом с дорогой купца, есть ли в город другие пути.

– Есть и верхняя, есть и нижняя дороги, но они похуже, да и подлиннее. А кому уж невтерпеж, тот прямиком через лес может податься... Верхом там не продраться, одежду вместе с кожей в клочья разорвешь, а пешью – пожалуйста... – ответил словоохотливый купец на хорошем славянском языке, по внешнему виду определив в разведчике бодрича. Торговое дело такое, что дает наметанный глаз на покупателя...

И тогда Лют решил ехать сразу к Годославу, хотя знал, что раскрывать инкогнито князя нельзя. А если нельзя, значит, необходимо будет найти какой-то другой способ пере-

дать весть. Впрочем, камень, пущенный из пращи с далекого расстояния, был хорошо известным сигналом Далимилу. Можно будет этим и воспользоваться, решил прашник.

Узнав у полупьяных прохожих, где находится лагерь приезжих рыцарей, Лют выбрал из двадцати противоположных вариантов, предложенных ему на выбор то ли полушутя, то ли всерьез, один, не оставшись при этом полностью уверенным, что вариант верный. Но даже с неполным знанием языка саксов он понял все же, что лагерь совсем рядом с ристалищем. Толпа, продвигаясь навстречу, мешала проехать, снова время терять не хотелось. И молодой разведчик направил коня прямо в лесную чащу, пытаясь срезать путь. Но лес был незнаком, направление известно только приблизительно, чаща местами оказалась такой густой, что пробраться через нее мог только отряд дровосеков после недельной работы. Лют начал петлять, огибать причудливой формы овраги с шумливыми весенними ручьями, и слегка потерял ориентацию, хотя солнце стояло почти в зените и определить по нему стороны света было не трудно. Но знание сторон света помогло мало. Потом он чуть не увяз в болоте, скрытом редколесьем, и пришлось делать еще один, теперь уже большой объезд. Таким образом, через час прашник выехал совсем не туда, куда планировал. Перед ним была отвесная природная стена из камней, перемешанных с землей. Стена составляла обрывистую сторону обширного холма. Посмотрев по сторонам, разведчик поехал налево, подгоняя коня, чтобы навер-

стать упущенное время. Здесь чаща была не такой непролазной, чтобы нельзя было проехать верховому. А высота стены постепенно снижалась, и лес становился реже. Лют хотел было уже и в галоп коня пустить, где окружность это позволяла, но тут заметил впереди, среди кустов, какое-то движение. Привычка всегда чувствовать себя разведчиком сработала сразу. Лют слегка натянул повод и пригнулся к гриве коня. И так замер, не зная, на что решиться – подъехать к незнакомым людям и спросить дорогу или сперва присмотреться, узнать, что за люди и почему они прячутся в чаще. Последний довод заставил его быть благоразумнее – если люди прячутся, им есть от кого прятаться. Лют отпустил повод и медленным шагом, готовый развернуться и ускакать в случае откровенной опасности, стал приближаться.

И увидел... Впереди, в кустах, шла жестокая борьба. Возможно, именно поэтому разведчик и сумел оказаться достаточно близко, шагах в двадцати, оставаясь невидимым. Но сам он видел. Видел, как через толстый поперечный сук была переброшена веревка. Как чьи-то руки дергали ее, выравнивая и привязывая один конец к стволу. Разговаривали по-франкски. Должно быть, солдаты Карла кого-то вешают. Те солдаты, которые готовятся вступить в землю бодричей. Лют достал пращу и развязал берестяной туес с камнями, подвешенный к седлу. Чуть-чуть повод вправо, чтобы большой куст не мешал обзору. Шлем валяется на земле. Чей-то затылок в суконном подшлемнике словно специально подстав-

лен. Праща с легким свистом сделала несколько оборотов, набирая скорость, и тут же камень сорвался с кожаной чаши. Лют почти никогда не промахивался и с более дальнего расстояния. Ворону мог на лету сбить. А уж с двадцати-то шагов... Солдат рухнул на землю без звука. И в тот же момент натянулась веревка на суку, раздался чей-то вскрик, перешедший в хрип. Лют выхватил меч и со всем пылом юности ударил коня пятками по бокам. Он протаранил кусты, выскочив на маленькую полянку. Увидел, как отступили от повешенного четверо солдат. И с ходу направил коня прямо на них. Солдаты спохватились только тогда, когда он уже нанес первый удар. Меч рассек шею ближе других стоящему франку. Следующего прашник сбил грудью коня. Но двое, оставшиеся на ногах, оказались не робкого десятка. Они выхватили мечи и устремились на молодого разведчика с двух сторон одновременно. Вскочив на ноги, вслед им бросился и сбитый конем. Люту следовало развернуться, чтобы нанести удар, но он понимал, что этим проиграет время, и его самого могут успеть рубануть с любой из двух сторон, а то и с двух одновременно, и он не сможет защититься. Понимали это же и франки и бежали изо всех сил, стремясь не отстать. Тогда Лют пошел на хитрость. И подогнал коня. Солдаты продолжали погоню, но уже отставали. А молодой разведчик, сделав круг и выманив франков достаточно далеко от дерева, резко развернулся и поскакал назад. Перерубить мечом веревку, подхватить падающее тело и перебросить его поперек

седла – на это ушли секунды. И опять подогнать коня. Туда, где лес чище и реже. Там франкам не угнаться за конником, даже если конь несет и двойной груз.

Когда за спиной уже стихли крики бессильных солдат, разведчик остановился, убрал меч в ножны, достал нож и перерезал вторую толстую смоленую веревку, стягивающую спасенному руки за спиной. Руки сразу протянулись к горлу, ослабляя петлю. Еще через секунду спасенный сполз с лошадиного крупы и шумно, с хрипами перевел дыхание.

– Проклятый Карл, ты заплатишь мне за это! И ты, граф Оливье, дорого заплатишь! – выкрикнул человек по-сакски. – Заплатите уже сегодняшней ночью. Я не люблю бросать слов на ветер! Вспомните меня!..

И он погрозил кулаком в воздух, будто угрожал небу.

Лют всматривался в незнакомца. Впрочем, в незнакомца ли... Где-то он уже видел своего спасенца, только не мог вспомнить где. Несомненно, это был знатный сакс. Не только одежда принадлежала человеку правящего класса, но и лицо, утонченное, волевое, красивое и умное, говорило о породистости. Длинные волосы собирались на макушке в пучок и свешивались хвостом на левое плечо. Дальше взгляд разведчика перешел на веревочную петлю, все еще остававшуюся на шее. Несчастный пытался сердито освободиться от нее. И вдруг – Люта осенило! Он даже заливисто засмеялся.

– Что хохочешь? – зло выкрикнул незнакомец, подумав, что выглядит с этой веревкой достаточно комично, и славя-

нин смеется над ним.

Несомненно, этот голос привык повелевать. Только славянский разведчик не относил себя к тем, кем повелевают сакские вожди.

– Дай-ка мне эту веревку...

– Зачем тебе веревка?

– Хочу хорошенько рассмотреть.

Незнакомец справился наконец с петлей, снял ее с шеи и бросил молодому человеку. Лют повертел смоленый обренок в руках, потрогал узел и легко развязал его, дернув за свободный конец. Без всякого усилия. А незнакомец с таким трудом сумел расправить саму петлю на своей шее... Это из-за того, что веревка просмолена. В одну сторону она протягивается легко, в противоположную никак не хочет тянуться.

– А где здесь стоит флот Карла? – невинно спросил Лют.

– Флот? – огрызнулся незнакомец, растирая себе шею энергичными движениями пальцев. – Откуда здесь у Карла флот... Что ему здесь делать? По нашим болотам плавать?

– А откуда у франков моряки?

– Какие моряки? – не понял сакс.

– Самые обыкновенные... – Лют показал веревку, уже развязанную, и без труда снова завязал прежним же узлом. Дернул за конец, веревка развязалась. – Такие узлы вяжут только моряки, когда крепят паруса.

– Откуда ты знаешь, славянин? Ты же не моряк.

– Я бодрич. И вырос среди викингов и рыбаков на остро-

ве Буян. Мой отец ходил в набеги с викингами. И он даже дома, когда была надобность, вязал все такими же узлами. И меня научил. Солдаты такие узлы вязать не умеют. По крайней мере, солдаты короля Карла. Вот даны – могут. Они почти все викинги и частенько отправляются в морские набеги. Этим – что парус закрепить, что с веслом справиться – привычное дело!

Незнакомец задумался. Но быстро сообразил.

– То-то мне показалось, что они выкрикивают по-франкски слова, смысл которых не понимают! Это даны! Проклятый Готфрид! Это ты решил со мной разделаться и натравить таким образом на Карла моих саксов... Ты слышал, что они кричали?

– Я плохо знаю франкский.

– А сам ты кто?

– Меня зовут Лют. Я ищу одного человека, который должен быть в лагере возле ристалища. Хотел через лес сократить дорогу, чтобы не продираться через толпу, и заблудился в дебрях. Так и выехал на тебя. Кажется, вовремя... А кто ты? И что с тобой случилось?

Незнакомец принял гордую осанку.

– Я эделинг Аббио. Был в гостях у франкского графа Оливье, а когда вышел из королевской ставки, в лесу на меня напали эти люди. Двух моих слуг сразу закололи, а меня чем-то оглушили. В себя пришел, когда меня уже вешали. Но со связанными руками сопротивляться трудно. Дай мне меч и

коня. Я догоню этих негодяев.

Лют засмеялся.

– Их уже не догнать. Их следует искать в палатке Сигурда.

– В палатке Сигурда, говоришь? – Аббио задумчиво поднял брови. – Что же, я и там поищу... Сигурд, если это он, сильно рисковал, устроив на меня охоту на сакских землях. Здесь ему не Дания, где он мог заставить меня прождать у дверей королевского дворца целых три часа. Мне пришлось отказаться от аудиенции, чтобы сохранить свою честь, в тот момент, когда король согласился меня принять!.. Вот же тогда позеленел от злости и сам Готфрид, и его любимчик! – эделинг заулыбался от воспоминаний. – А сейчас этот любимчик желает рассчитаться? Ладно... Тебе тоже надо ехать в лагерь? Поехали, я выведу тебя туда. Кого ты ищешь?

– Высокого рыцаря в аварских доспехах. Он приехал на турнир один, только в сопровождении оруженосца. Рыцаря легко заметить по фигуре, а оруженосца по длинному кнуту, которым он вышибает из седла любого рыцаря лучше, чем другой рыцарь копьем.

Аббио взглянул на юношу с понимающей хитрецей, из чего Лют сделал вывод, что эделинг совсем оправился после навязчивого знакомства с петлей.

– Ха! Ты же бодрич, и тебе нужен твой князь Годослав?

– Ты знаешь его? – осторожно поинтересовался Лют.

– Конечно. Только, кроме меня, эделинга Видукинда да князя Бравлина, никто, мне кажется, не знает, что Годослав

скрывается под именем аварского князя Ратибора. Даже Сигурд, хотя сегодня стоял в пяти шагах от него, не узнал князя. Будь и ты осторожен, чтобы не выдать своего господина. Думаю, у него есть причины, чтобы прятаться...

Разведчик в раздумье покачал головой.

– Сигурд уже знает, что Годослав здесь. К нему отправлен гонец от старого герцога Гуннара, и гонца этого не сумели перехватить наши посты. Значит, Сигурд будет искать Годослава.

– И «датский коршун» тоже в округе вьется... Это совсем плохо для твоего князя. Что знает Сигурд? Знает, что Ратибор и Годослав одно лицо?

– Знает только одно – что Годослав в Хаммабурге и хочет встретиться с Карлом. И всеми силами постарается ему помешать.

– Не надо было Сигурду так со мной поступать, не надо было... Здесь не Дания, здесь я имею власть большую, чем он. А если уж решился на убийство, следовало подобрать лучших людей, а еще лучше все самому решить в честном поединке. Поехали. Мне пришла в голову интересная мысль. Я, кажется, знаю, что делать и как выручить твоего князя...

И Аббио вскочил на коня позади Люта. Обхватив сильными руками тонкий торс юноши и взяв в руки повод, Аббио уверенно направил коня прямо в чащу леса, Впрочем, не слишком сильно подгоняя, потому что выбрал он петляющую тропу, которой обычно пользовались только пешие.

Но уже через короткое время лес поредел, они пересекли поляну, заросли кустарника и выехали на дорогу, по которой к городу двигались опоздавшие к началу турнира саксы из дальних мест. А уже через несколько минут въехали в ничем не огороженный лагерь посторонних рыцарей.

– Извини уж, сначала заедем ко мне в палатку. Годослав подождет. Он старается меньше показываться на людях, поэтому я думаю, что мы легко найдем его.

Палатка Аббио была тоже черной, точно так же, как и вся его одежда. Очевидно, это был любимый цвет эделинга. Лют отдал повод какому-то человеку, похоже, слуге, испуганно вытаращившему глаза при виде Аббио и Люта.

– Мой господин...

Аббио поднятой рукой остановил слова и посмотрел на траву под ногами. На траве отчетливо виднелось пятно крови.

– Принесли моих людей? – спросил эделинг, просчитав возможную ситуацию.

– Да, мой господин.

– Что с ними?

– Оба легко ранены.

– Легко?

– Да. Удары мечей пришлись по касательной. Это, скорее, порезы, чем ранения.

– Странно... – Аббио задумался на пороге.

– Ничего странного, – спокойно сказал рассудительный не

по годам Лют.

Аббио повернулся к нему, молча ожидая продолжения.

– Если бы их убили, то кто сказал бы, что на тебя напали франки?

– Ха... – коротко засмеялся эделинг. – Ты верно мыслишь. Это еще одно доказательство непричастности Карла. И уж тем более графа Оливье. Я всегда относился к нему с уважением, и мне прискорбно было бы услышать, что Оливье способен на подлость. Ты молодец, Лют... Не будь у тебя другого господина, я с удовольствием пригласил бы тебя на службу к себе. Если случай заставит тебя искать службу, не забывай нашего знакомства. Я буду твоим покровителем.

И Аббио, не дожидаясь ответа Люта на полуприглашение, вошел в палатку.

Лют последовал за ним.

В палатке лежали на подстилках два раненых сакса. Рядом с ними, присев на корточки, накладывал на ранения широкие листы подорожника Далимил.

– Ты что здесь делаешь, Лют? – удивился, обернувшись, плеточник.

– Этот человек спас меня от виселицы. А ты кто такой, чтобы спрашивать в моей палатке? – грозно спросил Аббио, не рассмотрев в полумраке лица незнакомца.

– А я нашел на дороге твоих людей и доставил в лагерь. И теперь пытаюсь оказать им помощь. Раны пустяковые, скоро заживут...

– Прости нас, мой господин, – сказал один из раненых, пытаясь приподняться на локте. – Мы не ожидали нападения от франков и потому оказались неподготовленными и не смогли защитить тебя.

– А от людей Сигурда вы ожидаете нападения? – сердито ответил Аббио вопросом на вопрос.

Далимил встал, понимая, что Лют принес новости.

Глава 8

– Никогда не думал, что на свете так много народа живет... – с широко разинутым ртом глазел по сторонам Барабаш.

– А ты разве в сражении ни разу не был? – поинтересовался Ставр.

– Так то вои – воев всегда должно быть много, а тут всякие... Никогда не думал...

Волхв добродушно усмехнулся.

– Ты бы лучше котомку с плеч снял и взял в руки. Не каравай хлеба несешь... А люди всякие бывают. Лихих отовсюду тоже набралось – не приведи Свентовит!

Ставр и Барабаш разминулись с Лютом в городских воротах, где толпа не давала людям пройти нормально ни в одну, ни в другую сторону, и приходилось протискиваться, работая локтями. Едва волхв со стрельцом буквально проломились в город и углубились в улицу, разведчик выехал с другой стороны. Ему, всаднику, выбраться через ворота было еще тяжелее, и потому Лют продвигался медленно. Вздумай Ставр по природному любопытству или по какой-то еще причине обернуться, с высоты своего роста он обязательно заметил бы юного разведчика. А была бы возможность у Люта глазеть по сторонам, а не искать щель в толпе, чтобы протиснуться вперед, он тоже заметил бы возвышающуюся над

другими людьми голову. Тогда бы Аббио ждала позорная для эделинга смерть в петле, а весь толпящийся в Хаммабурге народ – страшная резня. Только случай повлиял на дальнейшие события и не дал совершиться большому злу.

Так, не получив известий о драматических событиях дома, Ставр с Барабашем двинулись по узким и кривым городским улицам в сторону пристаней и складов. Там, на берегу Лабы, людей было меньше, а простора, естественно, больше. Здесь Ставр, совсем не как в городских воротах, уже беспрестанно вертел головой.

– Ты, никак, кого-то ищешь? – поинтересовался стрелец.

– Праздником люблюсь, – ответил волхв спокойно.

– Однако, может, лучше в город вернемся, в кабачке посидим, – похлопал Барабаш себя по котомке, которую нес уже не за плечами, как волхв свою, а в руке, как Ставр и посоветовал. Посоветовал правильно, – рассудил Барабаш, – рискованно прятать за плечи мешок, в котором столько честно заработанного золота от королевской щедрости. На затылке-то глаз нет, не увидишь, как кто-то в толпе котомку распорет и рог облюбует. Но сразу же после первого импульсивного движения, означавшего, очевидно, желание стрельца пригласить волхва за стол и отпраздновать победу, раздался вздох настолько тяжелый, что его могли услышать на противоположном берегу в славянском поселении. Естественно, «Я угощаю!» вслед за вздохом не прозвучало. Очевидно, с потоком воздуха в горле застряло...

Наконец, Ставр заметил нужного человека и, оставив Барабаша в стороне, поспешил к нему. Этот человек оказался толстым евреем-купцом, коих на праздник понаехало тоже множество.

– Что расскажешь?

– Они купили пять комплектов франкской одежды и оружие королевской пехоты, – прошептал еврей, поднимаясь на цыпочки, тщетно стараясь приблизиться к уху волхва, чтобы не быть услышанным со стороны.

– Для себя?

– Да. Примеряли, к плечам прикладывали.

– Сразу переоделись?

– Нет, уехали с узлами из города.

– Куда потом пошли?

– Мне неизвестно. Я потерял их в толпе.

– Ищи. Около королевской ставки ищи.

Еврей солидно кивнул, принял из ладони волхва в свою монетку и степенно пошел в сторону города. А Ставр задумался.

– Что ты у него спрашивал? – любопытство Барабаша никогда не имело границ.

– Интересовался, почем нынче фряжское сукно.

– А зачем тебе сукно?

– Лавку думаю открыть. Были бы у меня твои деньги, я бы давно уже открыл. Надоело по лесам шастать... Сидел бы себе за прилавком в спокойствии и неге, животик бы, при-

личеством купцу, отрастил...

Барабаш вздохнул опять и прижал к себе котомку сильнее, словно Ставр покушался на ее содержимое. И, чтобы отвлечь волхва от дурной мысли попросить денег взаймы у него, Барабаш заговорил мечтательным языком, вообще-то ему не свойственным:

– Меня торговля никогда не интересовала. Наше дело ратное! Но вот годы свое уже берут, уставать скоро начну, надо и место подыскать, где осесть на осень можно. Вот, как вернусь, куплю себе сразу хороший дом где-нигде в лесу. Женюсь, обзаведусь детишками и буду учить их стрелять... Только вот денег хватило бы. Боюсь, франкский Карл слегка жадноват. А то еще фальшивых монет подсунуть мог. Франки народ такой, а короли – так уж особенно...

К пристани, поднявшись на веслах против течения, подошло купеческое плоскодонное судно. Ставр, собравшись было тоже отправиться в город, задержался, чтобы рассмотреть прибывших. Его любопытство всегда несколько отличалось от любопытства Барабаша, и потому волхв проявлял это свойство характера только в особых случаях – когда можно было узнать что-то полезное. Сейчас случай был именно таким.

– Как думаешь, откуда и зачем гости торговые пожаловали? – спросил он товарища.

Тот глянул на судно лишь мельком.

– Эсты¹⁴, чудной народ, по пьянствовать надумали.

– Откуда знаешь, что эсты?

– Весла длинные. Длиннее обычных. Такие только у эстов.

Умению товарища замечать мелочи и выкладывать выводы, не раздумывая, потому что мыслительный процесс всегда казался Барабашу долгим и нудным делом, Ставр доверял не меньше, чем его умению стрелять из лука. И потому поверил сразу.

– А почему «чудной народ»?

– Пить не умеют.

– А ты пил с ними?

– Да было как-то дело... Пьянствовал я с двумя. Пьют и не пьянеют. Глупый, словом, люд... Долго соображают... Когда еще сообразят, что много выпили... И много пьют, а опять не пьянеют. Зачем тогда пить, деньги переводить... Чудной народ, одним словом...

– А почему не торговать прибылью? Почему именно пьянствовать?

– Судно почти не гружено. Смотри, какая осадка...

Ставр только головой покачал.

Разведчики всегда посмеивались над Барабашем, считая его глуповатым. Он и сам охотно себя таким показывал, и даже подчеркивал это традиционными вздохами. Но в действительности видел, взглянув мельком, он всегда чуть-чуть больше других. И, главное, умел сделать из увиденного вы-

---

¹⁴ Эсты – предки эстонцев.

воды.

Ставр наблюдал, как с судна выгрузили всего несколько тюков и на берег вышло несколько человек. Викинг-эст в какой-то диковинной очень лохматой шкуре, помахивая длинной палкой, протасил по сходням двух белоголовых отроков и старика – рабов, связанных одной веревкой, конец которой он держал в руке. Последние и заинтересовали волхва больше всего. И так заинтересовали, что захотелось подойти ближе.

Старик был уже слаб и немощен, но отличался аккуратностью, несмотря на прилично изодранную одежду. Похоже было, что он даже свои лохмотья постоянно чистил. Первому из отроков было лет пять. Этот держал голову поднятой и посматривал на чужой ему мир враждебно и надменно. Виден был характер будущего серьезного мужчины. Второй отрок был постарше, но, очевидно, сильно болен. Он с трудом волочил ноги и пошатывался, совершенно не обращая внимания на происходящее. И часто кашлял. Иногда кашель заставлял его даже остановиться, тогда эст с тупой физиономией сильно толкал мальчика в спину, чуть не роняя.

– Эй, бравый воин, – окликнул Ставр викинга и кивнул на несчастных, – продавать гонишь?

Эст долго думал, соображая, что у него спросили и что нужно ответить. Наконец смог из себя выдавить единственное:

– А тебе что?

– Ишь ты, какой грубиян! Может, я покупатель...

После очередной порции раздумья эст сказал с откровенным упрямством в голосе:

– А я не торгаш... Я их уже давно продал, теперь только новому хозяину доставить надо. Опоздал ты. Я проданное раз во второй раз не продаю.

– А если я больше заплачу?

– С новым хозяином говори.

– А кто хозяин?

Эст опять долго вспоминал имя, и все же вспомнил:

– Грек Пандокулос. В городе его и найди, если покупатель...

Старик-раб посмотрел на Ставра долгим тоскливым взглядом, и вдруг взгляд этот оживился, словно он узнал старого знакомого. Но вида не подал. И тут же значительно показал глазами на младшего отрока. Ставр едва заметно кивнул.

Викинг, торопясь на праздник, хотел, наверное, быстрее избавиться от своего груза, и потому подтолкнул взрослого раба острым концом палки в спину.

– Пошевеливайся...

Живой груз пошел.

– Пора и мне, наверное, стать рабовладельцем... – раздумчиво сказал Ставр, со всей высоты своего роста рассеянно оглядываясь по сторонам.

– А то волхвам никак можно? – поинтересовался его товарищ, ощупывая в который раз прямо сквозь грубую ткань

котомки драгоценный рог. Глаза его при этом были безмятежно-мечтательными и почти блаженными.

– А кто мне запретит? Работают же рабы в храмах...

– Так то в храмах...

– А мы на твои деньги свой храм построим. И тебя сделаем главным волхвом.

– Еще чего... – возмутился Барабаш и поспешил вслед за Ставром, который внезапно стал торопиться в город. – Куда ты?

– Рабов покупать. А то, не приведи Свентовит, кто-никто перекупит. Ищи их потом...

– Зачем они тебе нужны?

– Пригодятся, думаю, когда-нибудь...

Так, переговариваясь, они догнали в толпе викинга-эста и рабов. Но близко не подходили.

Эст знал, куда ведет свой маленький караван. Видно, это дело ему не впервой. Но все-таки город по случаю праздника так переменялся, что пришлось ему беспрестанно вертеть головой, чтобы отыскать нужную улицу, пришлось протискиваться вместе с рабами через толпу, где его не раз пытались остановить с различными вопросами, а то и просто с пьяными придирами. Эст нервничал, скрипел зубами, и рука сама тянулась за плечо к мечу, но, опомнившись вовремя, в перепалку он не вступал. Так, пройдя через весь город, он оказался в противоположной стороне его, неподалеку от ворот, ведущих к ристалищу, где народу было еще больше.

Здесь эст сориентировался окончательно, свернул вдоль бревенчатой городской стены и скоро оказался около большого круглого двора с высоким забором. Здесь он громко застучал в ворота. Не открывали ему долго. А когда наконец открыли, то несколько минут разговаривали, прежде чем пропустить. Эст вошел вместе с рабами, и ворота снова закрылись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.